

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 44

Выходить еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. Н. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 5-го ноября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемесяч. литерат. и популярно-научныя приложения“ за ноябрь 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1905 г. съ 29 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 6 рис. для выжиганія.

Испорченная натура.

Повѣсть

Кн. М. В. Волконской.

(Окончаніе).

Вдругъ изъ маленькой одностворчатой двери, ведущей въ буфетъ, вмѣсто Харитона вышла неслышными, мелкими шагами Пелагея въ сѣткѣ на старомодномъ шиньонѣ и переднихъ собственныхъ волосахъ и таинственно сзади приблизилась къ Раисѣ Павловнѣ.

Старуха видимо была чѣмъ-то взволнована, возбуждена. Лита взглянула на нее,—она стала шептать что-то прислушивающейся Гогольцевой,—и непонятное, нервное волненіе охватило молодую женщину.

— Сейчас?—спросила Раиса Павловна и перестала на мгновение наливать супъ.

Пелагея вновь что-то зашептала.

— Очень страдала!.. — разслышала Лита.

— ...Нѣтъ, это надо прекратить! — сказалъ вдругъ громко генераль.— Я давно ужъ намѣревался поѣхать сказать, чтобы ему запретили... Это невозможно такъ оставить! Этакъ и православія не будетъ!.. Всѣ эти бѣсѣды!.. Еще по больницамъ теперь вздумали ѣздить разные сектанты, нигилисты и нигилистки, и скажите, пожалуйста, Евангеліе читаютъ!..

«И вѣдь поѣдетъ, и запретятъ!..» — подумала Лита, слыша, но не слушая того, что говорилъ генераль, такъ какъ она главное старалась разслышать то, что шептала Пелагея.

Гогольцева долила тарелку, передала ее подошедшему Харитону и потомъ вдругъ, опу-

Видѣніе. Картина М. Нонненбруха, авт. «Нивы».

стивъ въ миску разливательную ложку, перекрестилась.

— Что такое?—испуганно спросила Лита.

Нервы ея были натянуты до-нельзя. Она предчувствовала, что услышитъ что-то страшное, но только что?

Раиса Павловна посмотрѣла на нее и удивилась испугу въ ея глазахъ.

— Чего вы испугались?—медленно выговорила она.— Ничего не случилось...

Она потрясла головой и спокойно стала снова разливать супъ.

— Дѣвочка тутъ одна умерла,—черезъ нѣкоторое время добавила она, садясь на свое мѣсто. Она съѣла нѣсколько ложекъ супа.—Анютка... Вы ее, кажется, знали, видѣли у насъ...

Глаза Литы на мигъ раскрылись еще больше. Въ сердцѣ своемъ она почувствовала странную, тупую боль.

— Анютка?... Когда же?...—прошептала она, и все лицо ея: брови, щеки, губы, дрогнули, какъ отъ физическаго страданія.

— Когда?—спокойнымъ, ровнымъ тономъ, вопросительно обратилась Гогольцева къ Пелагеѣ, и добавила въ сторону Литы, между ложками супа:—сейчасъ прислали сказать изъ больницы.

— Въ 4 часа,—повторила таинственнымъ шопотомъ Пелагея, украдкой взглядывая на молодую женщину и тотчасъ переводя глаза на свою барыню.

— Въ 4 часа!—повторила машинально Лита.

«А мы этого тутъ ничего не знали...—думала она.— Мы сидѣли, говорили, спорили, «Россию спасали» разговорами, Раиса Павловна ѣздила сама за устрицами къ Романову, а эта несчастная дѣвочка мучилась, умирала!.. Одна!.. Одна!..»

— А развѣ она была въ больницѣ?—громко выговорила она.

— Н-да, давно!—махнула рукой Раиса Павловна.— Развѣ вы не знали? Ее туда изъ пріюта отдали. Вѣдь она уже давно была въ пріютѣ...

— Ахъ, я этого ничего не знала!..—сказала Лита и, прислушиваясь къ укорамъ своей совѣсти, потупилась.

Гогольцева, съѣвъ супъ, стала тихо отдавать торопливый приказанія Пелагеѣ.

— Ну, скажи, чтобы подождали... Не могу-жъ я сейчасъ!.. Послѣ обѣда выйду...

— Слушаюсь, слушаюсь, не извольте беспокоиться,—кивая въ тактъ головой, говорила изрѣдка успокоительно Пелагея.—Слушаюсь!

— Кто это умеръ?—перегибаясь вновь черезъ столъ въ Литѣ, спросила Жюль.

— Дѣвочка одна,—отвѣчала Лита.— Помните, она одно время у Раисы Павловны жила?... «Аня»...

За столомъ, разслышавъ слово «умерла», притихли.

— Мам! Кто померъ?—обратился одинъ изъ сыновей Гогольцевой къ матери.—Какая такая Аня?

Въ глухомъ, странномъ баритонѣ его ничего не слышалось, кромѣ равнодушнаго любопытства.

— Да «Анютка»!..—отвѣчала съ удареніемъ, хмурия лобъ, Раиса Павловна.

— Померла?—удивился сынъ.

Раиса Павловна хотѣла подтвердить извѣстіе, но Пелагея, раньше, чѣмъ она успѣла выговорить слово, прошептала: «да-съ, померла-съ», но не столько по ея шопоту, сколько по движенію и наклону ея головы, почему-то въ лицѣ, въ глазахъ и во всей фигурѣ весь столъ почувствовалъ, что это такъ, и страннымъ молчаніемъ почтилъ на мигъ первый актъ въ жизни бывшей нищенки, который не вызывалъ глумленія, насмѣшки и равнодушія.

— Царство ей небесное!..—вымолвилъ, наконецъ, больной сынъ Раисы Павловны.

Еще нѣсколько секундъ длилось настроеніе необычное, тяжелое для большинства присутствующихъ, на-

строеніе, заставляющее ихъ чувствовать себя не по себѣ, и вдругъ Иванъ Михайловичъ «геркулесовскимъ» усиліемъ простоты вернулъ жизнь въ ея обыкновенное русло.

— Сорная трава изъ поля вонь!..—сказалъ онъ громко, и лицо его почему-то покраснѣло.

— Ну, Иванъ, ты всегда такъ!—съ укоризной въ голосѣ отвѣчала Раиса Павловна, но лицо ея выразило не строгость и неудовольствіе, а расплылось въ улыбку.

Она шопотомъ стала быстро отдавать какія-то приказанія Пелагеѣ, очевидно, чтобы отправить ее скорѣе вонъ изъ комнаты, и, отправивъ ее, снова взглянула на переговаривавшихся съ Иваномъ Михайловичемъ сыновей.

Всѣ они, сконфуженно улыбались. Иванъ Михайловичъ видимо шопотомъ смѣшилъ ихъ.

— Жена говорить,—вдругъ громко повторилъ онъ то, что шептала, чувствуя, что отъ него ждуть, чего-то.— Жена говорить: Аня!.. я думаю: кто такой?.. И вдругъ... Анютка! (Онъ косилъ глаза).

— Это Анютка-то «сопявая» Аней стала!..

Онъ поднялъ плечи и, откинувъ нижнюю челюсть, пошевелилъ ею слѣва направо и опять слѣва направо.

Обыкновенный результатъ всякаго остроумія въ домѣ Гогольцевыхъ и особенно его не заставилъ себя ждать. Столовая наполнилась здоровымъ громкимъ хохотомъ сытыхъ, упитанныхъ людей.

Лита поблѣднѣла и опустила въ тарелку глаза.

Ее особенно ярко поражалъ сегодня мужъ. Она отвыкла отъ него за полгода, проведенныхъ у сестры въ имѣніи, и все не нравилось ей въ Иванѣ Михайловичѣ: и лицо, которое ей всегда представлялось въ мысляхъ лучше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, и особенно фигура, и голосъ, и разговоръ Ивана Михайловича.

— Да, какъ могла я выйти за него замужъ?—спрашивала она себя и со щемящей болью въ сердцѣ чувствовала, что знай она всю семью мужа такъ, какъ она знала ее теперь, видъ она даже ихъ всѣхъ вмѣстѣ такъ, какъ она видитъ ихъ теперь, она никогда не согласилась бы стать женой Ивана Михайловича, никогда!

«Да я, я-то что?—мелькнуло у нея вдругъ.—Замужъ выходила, мечтала по-книжному заняться Анюткой, благоговорно вліять на добрую, но неразвитую семью Раисы Павловны, на нее самое, а что вышло?..»

И при воспоминаніи о томъ, что всѣ эти года она и не подумала справиться, гдѣ Анютка, жива ли она. При воспоминаніи о томъ, что жизнь сразу сдула, содрала съ нея всѣ «книжныя», т. е. попросту идеальныя стремленія, какъ сдуваетъ, сдираетъ грубая человѣческая рука своимъ прикосновеніемъ радужную пыль, неложную самой природой на крылья бабочки, при мысляхъ о тѣхъ компромиссахъ съ совѣстью, съ умомъ, съ привычками, на которые она шла всѣ эти года; при воспоминаніи о страстномъ желаніи передѣлать себя подъ общій шаблонъ, по которому такъ завидно-легко жилось имъ всѣмъ,—Литѣ стало чего-то, прежняго, милаго, молодого, отнятого у нея Иваномъ Михайловичемъ или жизнью (она не знала, но онъ говорилъ, что это была жизнь), безгранично жаль.

«Да, они мытари, а я... фарисей, и фарисеямъ, должно-быть, трудно жить!»—почему-то теперь подумала она, вздыхая, то, что думала уже несчетное количество разъ по выходѣ замужъ и прислушалась къ разговору, хохоту и остротамъ въ столовой.

Кто-то, совершенно забывъ объ Анюткѣ и ея смерти, бойко рассказывалъ о послѣднемъ выигрышѣ кого-то на тотализаторѣ, описывалъ чью-то радость, фигуру, позу, сколько пришлось барыша на каждый билетъ. Другіе говорили о полковыхъ лошадахъ, названныхъ «Сочельникомъ», «Панихидой», и о приказѣ: впредь такъ не «крестить» лошадей (такъ выражался говорившій).

«Вотъ,—подумала Лита:—вотъ это вѣра!.. И вотъ это здоровые люди. Услышали и тотчасъ забыли, а я, я теперь днями и ночами буду чувствовать, что вотъ была

эта несчастная Анютка, и что нѣтъ ее теперь, и во всемъ, во всемъ будетъ она примѣшиваться у меня, и жалость, и грусть будутъ давить мое сердце. А что изъ этого? Что толку, что хорошаго?..

Лита мысленно пожала плечами, и вдругъ неожиданно ее озарила новая мысль:

«Да полно, мытари ли они?.. Въ евангельскомъ смыслѣ?.. Не новая ли это порода мытарей,—мытарей, сознающихъ свои недостатки, но не желающихъ повторными усиліями воли отъ нихъ исправиться? Мытари, съ которыхъ довольно воспѣвать свое безиліе, довольно словеснаго самобичеванія, такъ какъ они въ душѣ возлюбили себя въ своихъ недостаткахъ и порокахъ, прощаютъ себѣ все: и блудъ, и пьянство, и обжорство, и равнодушіе животнаго къ ближнему, т. е. главное, къ *дуть* ближняго, прощаютъ себѣ все, благодаря мытарскому ярлыку смиренія, фарисейски навѣшанному ими самими на себя... И, неожиданно, гдѣ-то прочитанныя слова бельгійскаго поэта вспомнились ей: «Когда Христосъ читалъ низкія мысли фарисеевъ, увѣрены ли вы, что Онъ тѣмъ же взглядомъ судилъ ихъ душу, что Онъ осуждалъ и ее, и не провидѣлъ за ихъ мыслями свѣтъ, быть-можетъ, неугаимый?»

И истинно показалось въ эту минуту Литѣ, что нынѣшніе фарисеи, съ сокрушеніемъ и болью чувствующіе, что не войти имъ изъ-за ихъ гордости и сознанія своего превосходства въ царствіе небесное, болѣе мытари, чѣмъ тѣ, съ ярлыками...

— О чемъ это вы? Кто вамъ это сказалъ?.. — услышала вдругъ молодая женщина и, поднявъ глаза, увидѣла на себѣ взгляды и соопекуна, и усмѣхавшейся Жюлі, и одного изъ сыновей Раисы Павловны, и мужа. Иванъ Михайловичъ складывалъ даже губы, какъ дѣлывалъ женихомъ и не шепталъ, но, вѣрнѣе, однимъ движеніемъ губъ говорилъ: «моя прелесть!..»

Лита хотѣла отвѣтить «правду» и не смогла. Густой румянецъ залилъ ее обыкновенно матово-блѣдныя щеки. Губы задрожали, въ глазахъ блеснули слезы.

— Я всегда говорю, что не слѣдуетъ брать чужихъ дѣтей къ себѣ, въ особенноти простыхъ, а ужъ нищен-ку!.. — протянула Жюлі, догадавшись, о чемъ думала Лита, и покачала головой.

«Нѣтъ, надо брать, напротивъ, но тогда надо иначе заботиться... Я знаю людей, которые брали и душу свою отдавали, и результаты были прекрасныя», — хотѣла сказать Лита, но промолчала, боясь расплакаться.

Въ душѣ она знала, чувствовала, что Иванъ Михайловичъ, когда они вернутся домой, будетъ представляться безгранично любящимъ, будетъ говорить, что она была похожа на святуя, когда о чемъ-то думала за обѣдомъ, что онъ молился глядя на нее, и будетъ добиваться отъ нее одного... совсѣмъ не святого...

И Лита чувствовала тоже, что онъ добьется, и презирала себя, свою негодную ветошку, тѣло, свою духовную разслабленность.

— Боже мой, Боже мой!.. — взывала она и ей хотѣлось уйти, убѣжать отъ всѣхъ этихъ людей.

XIV.

«Не опоздать бы!» — думала Пелагея, суетливо торопясь и собираясь въ своей комнатѣ, послѣ ранняго кофейка, къ отпѣванію Анютки.

Дѣвочку хоронили на одномъ изъ городскихъ кладбищъ, гдѣ у пріюта имѣлись мѣста.

«Не опоздать бы!»

Кухарка Катерина тоже торопилась. Она еще утромъ, раннимъ-рано, сбѣгала въ мясную и курятную, вернулась съ румянымъ деревенскимъ малчишкой-приказчикомъ, несшимъ тяжелую корзину на головѣ, поставила супъ и дала всякія указанія судомойкѣ, какъ готовить завтракъ.

Наканунѣ, обѣ женщины, также суетясь, бѣгали въ больничную часовню, гдѣ лежала Анютка съ чернѣвшимъ ртомъ, охали, что она лежитъ въ одной рубашкѣ, «худая-

худая», прибѣжали домой, получили пять рублей отъ Раисы Павловны и съ какой-то радостной, неподходящей къ случаю возбужденностью, бѣжали въ «Апраксинъ» или «Маринскій», гдѣ и купили все необходимое, чтобы прилично обрядить тѣло «упокойницы»: саванъ и «босовики», сдѣланные изъ атласа, кружевъ и бархатныхъ лентъ, похожие скорѣй на театральные или костюмные башмаки, чѣмъ на обувь для бранныхъ останковъ земного человѣка.

Къ выносу изъ часовни обѣ женщины рѣшили не ѣхать, но онѣ торопились на кладбище.

— Извѣстно, какъ тамъ заупокойную обѣдню для *такихъ* служатъ, да еще какой извозчикъ попадется! — говорили онѣ, только-что выйдя на кухню.

Когда онѣ одѣлись и вышли на черную, пахнущую грязью, помоями, нашатыремъ и кошками лѣстницу, по которой, сгорбивъ спину и поднявъ руки съ бечевою надъ однимъ плечомъ, дворники носили дрова, и спустились во дворъ, гдѣ бѣгали, обнюхивали углы, дрова, стѣны и останавливались, выпущенныя изъ разныхъ квартиръ собаки, — ярко сіявшее солнце пріятно поразило ихъ.

— Ишь, день-то какой! — втягивая воздухъ вздохомъ, замѣтила Пелагея, покачала головой, и въ тонѣ ее послышался точно какой-то двойной смыслъ.

— Да-а! — согласилась Катерина. — Къ десяти таять начнетъ!..

Въ воздухѣ дѣйствительно чувствовалось невидимое приближеніе весны: пахло чѣмъ-то свѣже-душистымъ, чѣмъ пахнетъ иногда даже въ городѣ, раннимъ утромъ, пока лавки еще не отперты: точно легкимъ ароматомъ гіацинтовъ, смѣшаннымъ съ запахомъ, съ вечера выпавшаго, чистаго, не начавшаго еще таять снѣга.

— Придется до извозчика дойти, — черезъ минуту сказала Пелагея, выйдя изъ-подъ воротъ на улицу, оглядѣвшись и увидѣвъ, что поблизости улица пуста.

— На «проспектъ» найдемъ, — отозвалась Катерина, и обѣ женщины, сѣменя ногами, быстро направились къ «проспекту».

Съ одной стороны онъ былъ ярко залитъ солнцемъ, съ другой — въ тѣни. Дворники въ мѣховыхъ шапкахъ, шегольскихъ фуфайкахъ, валенкахъ и бѣлыхъ передникахъ, переговариваясь, перебраниваясь и смѣясь, бодровесело ходили по панелямъ, приготавливаясь кирками и лопаточками счищать снѣгъ.

Пелагея, взявъ большую муфту подъ мышку, на ходу натягивала перчатки.

— Пелагея Яковлевна, дайте, я понесу, — предложила Катерина, трогая муфту.

Она не любила старую горничную, всегда критиковала ее, но теперь самый фактъ, что онѣ идутъ вмѣстѣ, а сейчасъ поѣдутъ вмѣстѣ на кладбище, — льстилъ ее самолюбію. Вдобавокъ Пелагея выглядѣла совсѣмъ барыней, въ длинномъ «пальтѣ», перешитомъ изъ салопа покойной матери Раисы Павловны и съ дорогой муфтой, тоже принадлежавшей «упокойницѣ-барынѣ».

Пелагея дала муфту.

На солнечной сторонѣ проспекта показались похороны. Гробъ былъ черный съ серебромъ, какъ и дроги.

— Должно, нѣмцы, — равнодушно замѣтила Пелагея, поглядѣвъ на процессію и на сопровождавшихъ покойника родственниковъ и знакомыхъ.

— Да, жена, вѣрно, впереди-то, — отвѣчала Катерина. — И сынъ гимназистъ.

Обѣ женщины еще поглядѣли, подошли къ крестящемуся извозчику, снявшему шапку, торгивались съ нимъ, сѣли и поѣхали, — приказывая ему отнюдь не пересѣкать дорогу похоронамъ, — чего почему-то извозчику хотѣлось.

Солнце ярко свѣтило на голубомъ, точно молодомъ небѣ, только изрѣдка на мгновеніе закрываемое бѣлымъ волнистымъ дымомъ, поднимавшимся изъ трубъ и бросавшимъ тогда тѣнь на улицу. Свѣтъ ровный, золотой, веселый и веселящій лился на землю, и казалось, всѣ:

Литературный альбомъ. „Деревенскій пожаръ“, сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рисунокъ А. Ансита, авт. «Пчелъ».

Литературный альбомъ. „Рыцарь Олафъ“, стихотвореніе Г. Гейне. Рисунокъ Н. Адамовича, арт. «Нивы».

и лошади, и извозчики, и сѣдоки, и санки, и прохожіе, большей частью молодежь, торопящаяся въ гимназіи и школы, и уличные торговцы, и летающіе съ крышъ на землю со скрипомъ крыльевъ голуби, и громко чирикающіе воробьи, и лошади въ черныхъ и бѣлыхъ чахлахъ, везшіе и умершаго нѣмца, и другіе гробы, всѣ, казалось, радовались чему-то, разлитою въ воздухъ, чѣмъ дышалось въ эти ранніе, утренніе часы.

Съ этимъ чувствомъ, хотя нѣсколько поубавленнымъ, затушеваннымъ все чаще, по мѣрѣ приближенія къ кладбищу, встрѣчавшимися похоронными процессіями и гробами, и гробиками, несомыми на рукахъ,—обѣ женщины доѣхали до цѣли своего пути, вышли изъ санокъ, расплатились съ извозчикомъ и пошли по деревяннымъ въ красноватыхъ пятнахъ отъ песка доскамъ къ церкви, гдѣ отпѣвали Анютку.

Кладбище, могилы и памятники, покрытые бѣлой пуховой пеленой чистаго снѣга, освѣщеннаго яркимъ солнцемъ,—мирно-задумчиво и вмѣстѣ таинственно молчали.

У дверей церкви толпились безобразные, грязные нищие: мужчины и женщины. Было и нѣсколько дѣтей, закутанныхъ въ веточки, какъ когда-то Анютка, и всѣ они просили у входящихъ милостыни, «хлѣба, не камня».

— Началось уже?—спросила Пелагея у нищаго, открывающаго двери.

— Началось, матушка,—кланяясь корпусомъ, отвѣчалъ нищій съ деревяжкой, вмѣсто ноги, и протянулъ открытую ладонь. Пелагея положила ему мѣдяшечку въ ладонь.

— А много ихъ тамъ будетъ?

Нищій понялъ.

— Упокойниковъ-то? Нѣтъ, милая, не оченно,—отвѣчалъ онъ просто, кланяясь за милостыню и просто добавивъ: — Гдѣ ужъ теперь много?.. Вотъ къ лѣту, Богъ дастъ, поприбавится, а теперь что!.. теперь гробовъ восемь, а въ десять будетъ,—не больше.

Пелагея покрутила шеей, точно ей жаль головной платокъ и вошла въ церковь.

За ней вошла и Катерина.

Въ церкви было полусвѣтло отъ густаго синеватаго ладана—и трупнаго смрада.

Казалось, здѣсь, въ воздухѣ, истинно царствовали князь міра сего, князь тлѣнія, «повелитель стихій»,—одно дыханіе котораго несетъ смерть милліонамъ.

Катерина оглядѣлась, сняла со шляпы платокъ, перекрестилась, выпрямилась и вымолвила, тараща безпомощно глаза.

— Охъ, Господи!.. Гдѣ-жъ найти ея тутъ?.. Покойниковъ-то, покойниковъ!.. Царица небесная!..

Дѣйствительно, вся середина церкви заставлена, заполнена была большими, средними и маленькими гробами, и въ этихъ гробахъ лежало что-то недвижимо, страшное, желтое и жалкое, что-то, что на-дняхъ жило, двигалось, страдало, любило, ненавидѣло и надѣялось...

Пелагея купила свѣчку у яснаваго, церковно-свѣчнаго стола-лара и, неслышно ступая, съ чувствомъ, подобнымъ тому, которое испытываетъ человѣкъ при видѣ сгнившей на корню, чернѣющей нивы, пошла разглядывать ушкойниковъ въ лицо, разыскивая между ними лицо Анютки.

Анютка лежала исхудалая, съ зелеными оттѣнками тлѣнія на кожѣ, съ заострившимся носомъ, съ темно-коричневыми губами и такими же коричневыми глазами впдинами. Вѣки ея были крѣпко сомкнуты, и выраженіе ея измученнаго болѣзною дѣтскаго лица говорило: «и я тоже колосъ съ этой поруганной людьми, затоптанной, заброшенной, необработанной, безвременно погибшей, побитой бурями и непогодой нивы...»

Обѣдня шла.

Наемные пѣвчіе гнусаво, перепитыми голосами, пѣли великія, внушенные вдохновеніемъ любви и вѣры старья пѣснопѣнія.

Кладбище мирно-задумчиво молчало. И невольно въ этомъ молчаніи хотѣлось услышать, невнятный для человѣка, но предчувствуемый имъ шопотъ примиряющей божественной вѣчности...

КОНЕЦЪ.

К о л ь ц о .

1.

Яснымъ утромъ весенней порою
Добрый молодецъ съ Волгой прошался:
— Ты прости, государыня—Волга!
Отъ тебя ухожу я надолго...
Не сердись и не сѣлуй, родная,
Мнѣ по сердцу сторонка иная...

2.

Мнѣ по сердцу сторонка иная,
Гдѣ подъ солнцемъ неслыханно-знойнымъ
Къ небу высятся дивныя дива,
Гдѣ земля несказанно красива...
Сладки пѣсенъ тамъ чуждыхъ напѣвы,
Знойно любятъ тамъ чуждыя дѣвы!—

3.

Хороша ты, чуждая сторонка!..
Позабыта красавица—Волга...
Добрый молодецъ съ дѣвицей красной
Тамъ спознался въ странѣ той прекрасной:
Ей въ сердечной тоскѣ признается
И любить ее вѣчно клянется.

4.

— Ты—цвѣточекъ въ пустынѣ безплодной,
Солнца лучъ въ темнотѣ непроглядной!
Для меня ты отчизны милѣе,
Вешней зорьки яснѣй и свѣтлѣе!
Будь моею женою отнынѣ—
Встань со мной подъ вѣнцомъ на чужбинѣ!

5.

Что мнѣ край мой далекій родимый!
Для тебя я покину навѣки
Все, что съ дѣтства меня окружало,
Все, что сердце красой чаровало:
И лѣса, и долины, и нивы,
И рѣки полноводной разливы!

6.

Я покину отчизну навѣки,
Только съѣзжу домой на побывку:
Помолиться у древней божницы,
Взять шепотку родимой землицы,
Попросить у родныхъ позволенья,
Да у Волги родимой прощенья!

7.

И заплакала дѣвица горько:
— Не къ добру расстаюсь я съ тобою!
Чѣмъ связать твоѣ сердце, мой милый?
Чѣмъ напомнить въ разлукѣ постылой
О твоѣмъ обѣщаньи прощальномъ!
Развѣ только кольцомъ обручальнымъ!

8.

Такъ надѣнь же кольцо золотое
И храни его крѣпко, мой милый!
Сбереги его честно и свято,
Не дари ни сестрѣ ты, ни брату,
Какъ бы крѣпко тебя ни просили,
Какъ бы нѣжно тебя ни любили!

9.

Не теряй перстенець мой завѣтный!
Потеряешь—меня позабудешь!
— Ты повѣрь, что забыть не могу я!—
Онъ отвѣтилъ, невѣсту цѣлуя...
И ушелъ онъ въ селенье родное,
Сберегая кольцо золотое...

10.

Хороши вы, заморскія страны,
Только Волга милѣе и краше!
Кто на Волгу-красавицу взглянетъ—
Тотъ добромъ ее всюду помянетъ...
Кто же выросъ на Волгѣ родимой—
Къ ней вернется, тоскою гонимый...

11.

Хороши твои, Волга, разливы,
Хороши твои бури и грозы!
Бѣлой пѣной подъ солнышкомъ лѣта,
Словно ризой жемчужной, одѣта,
Въ златотканномъ лучистомъ уборѣ
Ты сияешь въ лазурномъ просторѣ...

12.

Надъ тобою лѣса, словно тучи,
Словно бархатъ—зеленя нивы.
Золотыя церкви твоихъ главы
Надъ тобою горятъ величаво,
И струишься ты вдалъ, протекая,
Словно пѣсня родимаго края!

13.

Словно русская пѣсня, привольно
Разливаясь, волнуясь, стихая,
Ты течешь въ неприютное море...
Ты поешь про старинное горе—
Про былую крестьянскую долю—
Крѣпостного народа неволю...

14.

Ты поешь намъ о Разинѣ Стенькѣ,
О кровавыхъ пирахъ Пугачева.
Ты поешь о казацкихъ походахъ,
Ты поешь о бурлацкихъ невзгодахъ
И о томъ, какъ рабочей порою
Трудъ народный кипитъ надъ тобою.

15.

Добрый молодець Волгу увидѣлъ—
Самъ не слышитъ, какъ слезы струятся...
— Здравствуй, здравствуй, красавица-Волга!
Не видались съ тобою мы долго.
Погляжу-ка на волны родныя,
На пески на твои золотые!

16.

И склонился онъ къ лону рѣчному,
И вдыхаетъ онъ воздухъ отчизны,
И любитъ свѣтлой рѣкою,
И ласкаетъ небрежной рукою,
Беззаботнаго счастья полный,
Волги свѣтлой жемчужныя волны...

17.

За волною волна набѣгаетъ
И лобзаетъ склоненную руку,
А кольцо золотое подъ ними
Все трепещетъ огнями цвѣтными—
И сдвигается перстень завѣтный
И катится къ водѣ незамѣтно...

18.

Покатилось кольцо, и упало
И навѣки въ рѣкѣ потонуло...
Такъ любовь потонула былая
Въ теплой ласкѣ родимаго края!
Горе дѣвицъ края чужого—
Не вернется къ ней молодець снова!

Б. Никоновъ.

Сторожевые олени. Картина А. А. Борисова.

Картины А. А. Борисова, извѣстнаго изслѣдователя нашего Сѣвера, пользуются въ настоящее время большимъ успѣхомъ за границей. Въ Вѣнѣ устроена А. А. Борисовымъ, по предложенію мѣстнаго Общества Художниковъ, специальная выставка его картинъ.

Зимой. Картина художника В. Перелетчикова, авт. «Нивы».

Миръ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

(Съ 12 фотографич. снимками, исполненными В. А. Табуринымъ).

Последняя поѣздка на югъ.

На другой день послѣ заключенія перемирія въ головной от-

мѣстѣ путь уложенъ только недавно (въ началѣ августа, въ виду готовившагося наступленія съ нашей стороны) и при томъ весьма спѣшно, то рельсы тяжелого типа чередуются съ рельсами легкаго типа, вслѣдствіе чего, при движеніи дрезины, получаются весьма неприятные толчки.

Но вотъ послѣ двухъ верстъ пути—остановка. Дальше ѣхать нельзя. Передъ нами разрушенный мостъ. Рѣка съ глубокими крутыми берегами высохла, и упершея въ обнаженное русло концы разломанной пополамъ фермы затянута тиною и водорослями.

Деревянная настилка моста сожжена. Мы проходимъ по уплывшей фермѣ и далѣе—по разрушенной, какъ съ горы, спускаемся на дно.

Пока офицеры отряда, любуясь своей работой, припоминаютъ, кто изъ нихъ взрывалъ именно этотъ мостъ, подполковникъ Колобовъ отдаетъ приказаніе фельдфебелю относительно устройства въ мѣстѣ разрыва легкаго деревяннаго моста для перевозки по немъ вагонетокъ съ рельсами, которые будутъ сняты южнѣе.

Выбравшись по второй половинѣ фермы на другой берегъ рѣки, мы смотримъ на югъ по направленію къ ст. Шуанмяоцзы. До нея пять верстъ, что при осеннемъ прозрачномъ манчжурскомъ воздухѣ для зрѣнія немного. Но за рельефомъ мѣстности ея не видно.

Зато другое обстоятельство, хотя очень естественное, обращаетъ всеобщее вниманіе. Въмѣсто свѣтлой песчаной полоски железнодорожной насыпи передъ глазами разстилается поле, заросшее густой травой и кустами. Только бѣлые столбики указываютъ направленіе линіи. Большинство телеграфныхъ столбовъ повалены на землю.

Развалины станціи Шуанмяоцзы.

рядъ пріѣхать съ сѣвера начальникъ его, подполковникъ М. В. Колобовъ съ предписаніемъ убирать путь, т. е. рельсы, стрѣлки и прочія металлическія цѣнности, и отправлять на сѣверъ.

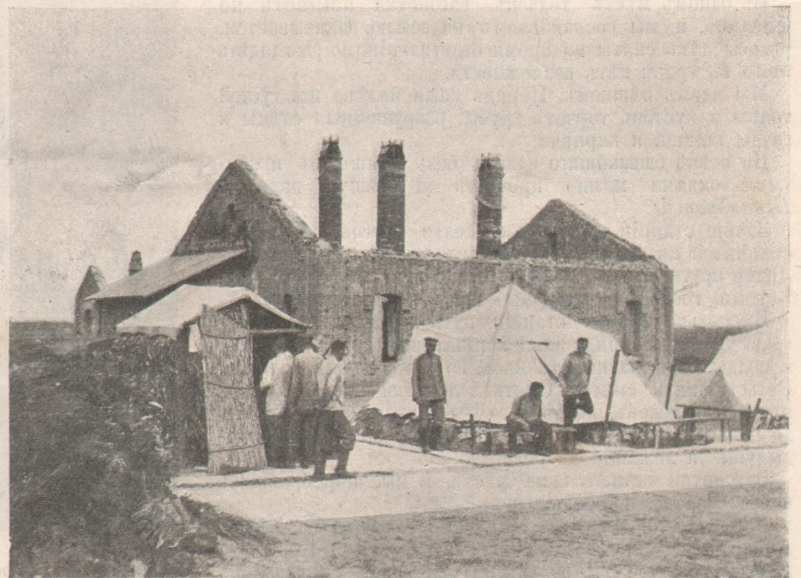
Хотя несомнѣнно, что это распоряженіе, исходившее свыше, имѣло достаточное основаніе, но тѣмъ не менѣе приказаніе снимать путь на территоріи, уступленной неприятелю по мирному договору и при томъ послѣ заключенія перемирія, порождало нѣкоторыя недоумѣнія. Сущности этого приказанія подполковникъ Колобовъ не зналъ. Онъ исполнялъ только приказаніе. Отъ его усмотрѣнія зависѣло лишь назначить крайній пунктъ, съ котораго начинать уборку пути. Конечный пунктъ уборки также не былъ извѣстенъ. Говорили, что дорогу снимать будутъ вплоть до Куанчендзы.

Поговорили и рѣшили, что вѣроятно это входитъ въ условія мирнаго договора или допускается международными правами. Оставалось только исполнять приказаніе.

Но передъ этимъ начальникъ отряда рѣшилъ съѣздить на югъ и рѣшить, откуда начать уборку пути, такъ какъ нѣсколько взорванныхъ мостовъ могли сильно затруднить работу.

Это была последняя наша поѣздка на югъ на территоріи, пока еще занятой нами, по пути, по которому въ теченіе шести мѣсяцевъ не проходилъ ни одинъ поѣздъ.

Въ 10 часовъ утра, 1 сентября, нижніе чины приготовили двѣ дрезины для начальника отряда и для офицеровъ, и мы покатали на югъ. Такъ какъ въ этомъ

Разрушенный постъ пограничниковъ.

Сначала мы хотимъ идти далѣе пѣшкомъ, но подполковникъ Колобовъ придумываетъ способъ прокатиться по заржавленнымъ рельсамъ до станціи Шуанмяоцзы. Онъ приказываетъ фельдфебелю нарядить людей и перебросить при помощи веревокъ на другой берегъ пару вагонетокъ.

Съ дрезиною этого сдѣлать нельзя по причинѣ ея тяжести, а вагонетки можно перетащить по частямъ: колеса и платформы отдѣльно.

Эта работа должна занять часа два. Тѣмъ временемъ мы ѣдемъ обратно на разъѣздъ.

Позавтракавъ тамъ, мы во второмъ часу опять на дрезинахъ доѣзжаемъ до моста. Чтобы намъ не лазить по развалинамъ, солдаты порубили въ крутыхъ берегахъ ступеньки, а черезъ узенькую рѣчку перебросили нѣсколько досокъ.

На другомъ берегу уже стоятъ двѣ вагонетки, т. е. маленькія платформы на колесахъ. Онѣ приводятся въ движеніе самымъ примитивнымъ способомъ: подталкиваніемъ.

Усаживаемся и ѣдемъ. Вагонетка идетъ тяжело. Рельсы заросли густой, высокой травой, которая накручивается на оси. Часто приходится останавливаться и очищать траву. Между рельсами среди травы мѣстами торчатъ елочки аршина въ полтора высоту. Бурьянъ и сорная

Разрушенный мостъ и рядомъ съ нимъ—возстановленный, деревянный.

В. А. Табуринъ.
На дрезинѣ.

трава совершенно заглушила линію дороги, которая кажется заброшенной и ненужной, а между тѣмъ пять мѣсяцевъ тому назадъ по этой линіи мчались поѣзда восьмидесяти-вагоннаго состава и подвозили войска къ Мукдену, и пять мѣсяцевъ каждый шагъ этой пустынной полосы ожидалъ своей опѣнки человѣческими жизнями.

Въ одномъ мѣстѣ толчокъ, вагонетка прыгаетъ по шпаламъ, и мы соскакиваемъ на землю. Оказывается, рельсы тутъ сняты во время отступления, но разглядѣть этого въ травѣ нѣтъ возможности.

Мы идемъ пѣшкомъ. Передъ нами налѣво изъ густой травы и кустовъ торчатъ трубы, разрушенныя стѣны и груды камней и кирпича.

На стѣнѣ ближайшаго зданія безъ крыши съ пробитыми окнами можно прочесть уцѣлѣвшую надпись: *Шуанмяоцзы*.

Зданіе станціи сохранилось болѣе другихъ. Перронъ сравнялся съ землей и представляетъ изъ себя дужайку. Далѣе кругомъ, гдѣ стояли станціонныя постройки, мастерскія, госпиталь, казармы—груды развалинъ.

Нѣсколько южнѣ станціи путь оказался цѣлымъ, и сюда уже перетасили наши вагонетки. Мы опять садимся, и солдаты подталкиваютъ насъ, но скоро новый толчокъ. Рельсы опять сняты. Опять вагонетки протаскиваютъ нѣсколько сажень, послѣ чего мы съ верету проѣзжаемъ до новаго моста, взорванаго такъ же, какъ многіе предыдущіе и лежащіе впереди.

Вагонетки остаются на мѣстѣ, а мы, перебравшись черезъ оврагъ, идемъ дальше.

Картина не мѣняется. Кругомъ безлюдно и уныло. Авангардъ далеко позади насъ, на высотѣ 66-го и 67-го разъѣздовъ, а тутъ незамѣтно никакихъ признаковъ войскъ. Здѣсь проходитъ линія заставъ и сторожевыхъ

В. А. Табуринъ.
На вагонеткѣ по дорожному пути у станціи Шуанмяоцзы.

охраненій, которыя скрыты, а дальше нейтральная полоса, по которой проходитъ воображаемая демаркаціонная линія, а за ней японцы.

Когда ждали заключенія перемирія, то многіе изъ офицеровъ полагали, что этотъ актъ помимо своей официальной стороны ознаменуется выраженіями примиренія неофициального характера между уполномоченными и участниками. Полагали, что будетъ импровизированъ завтракъ на травѣ, и бывшіе враги протянутъ другъ другу руки примиренія по примѣру портемутскихъ переговоровъ.

Но актъ прошелъ сухо. Съ нашей стороны это дѣлалось по приказанію изъ главной квартиры. Каждый разъ, когда разработка деталей не требовала личного разговора, наша группа удалялась въ сторонку.

Завтракали также въ сторонкѣ.

Японскій уполномоченный поставилъ условіемъ, чтобы демаркаціонная линія была безусловно недоступна для чиновъ русской арміи. Весьма возможно, что внесеніе этого пункта было отвѣтомъ на сухую сдержанность съ нашей стороны.

Ждали, что со дня, когда перемиріе войдетъ въ силу, японскіе и русскіе офицеры будутъ встрѣчаться на нейтральной полосѣ, но наступило 3-е, 4-е сентября, и никакихъ свиданій не происходило. Сухость перваго свиданія наложила печать на послѣдующія отношенія двухъ сосѣднихъ и уже не враждебныхъ армій.

Можетъ-быть, время измѣнитъ такое положеніе, что будетъ даже необходимо, когда наши и японскія части вилотную сойдутся у станціи Куанчендзы, но во всякомъ случаѣ начинаніе въ этомъ дѣлѣ должно исходить отъ нашихъ бывшихъ враговъ. Послѣ нашихъ неудачъ намъ неудобно первымъ протягивать руку примиренія.

Гунджулинъ. Расформированіе китайскаго наемнаго отряда генерала Ухача-Огаровича.

Японскіе офицеры, корректные и въ высшей степени привѣтливые во всѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось имѣть сношенія съ нашими, безъ сомнѣнія это понимаютъ.

Но пока прошло уже нѣсколько дней, а неофициальныхъ послѣдствій перемирія еще нѣтъ.

Что будетъ дальше, покажетъ время, и во всякомъ случаѣ обстоятельство и условія сосѣдства докажутъ, что для прочнаго мира между сосѣдями кромѣ договора нуженъ еще миръ неофициальный..

Солнце садилось за тучами. Становилось прохладно. Мы вернулись къ разрушенному мосту.

— Этотъ мостъ былъ взорванъ только во второй разъ...—сказалъ подполковникъ Колобовъ.—Въ первый разъ мы подожгли бикфордовъ шнуръ, отошли сажень на тридцать, но взрыва не послѣдовало... Пришлось вернуться и подъ выстрѣлами исправлять дѣло... Какой адъ былъ здѣсь тогда... и какаѣ тишина теперь...

Мы пѣшкомъ дошли до станціи и сѣли на вагонетку съ того мѣста, откуда далѣе путь уже не былъ прерванъ. Развалины станціи тонули въ быстро наступающихъ сумеркахъ. Только длинныя трубы еще выдѣлялись темными силуэтами на фонѣ неба. Въ тихомъ воздухѣ надъ нашими головами пролетѣло нѣсколько летучихъ мышей.

Колеса вагонетки зашуршали въ травѣ.

Въ послѣдній разъ русскія колеса катились здѣсь по своей территории, потому что на другой день должна была начаться уборка пути и съ каждымъ днемъ отдалять къ сѣверу крайній пунктъ нашего желѣзнодорожнаго сообщенія.

У разрушеннаго моста.

Подполковник Колобовъ, убѣдившись, что путь отъ станціи Шуанмяоцзы и къ сѣверу до моста во многихъ мѣстахъ прерванъ и доставка рельсъ черезъ мостъ сопряжена съ большими трудностями, рѣшилъ начать разборку пути лишь отъ моста въ двухъ верстахъ отъ 67 разъѣзда. Такимъ образомъ рельсы на протяженіи пяти верствъ рѣшено было подарить японцамъ.

На другой день—2 сентября началась разборка пути чинами головного отряда. Чтобы дѣло шло успешнѣе, на подмогу имъ присланъ былъ батальонъ пѣхотнаго полка. Черезъ недѣлю путь былъ снятъ до станціи Сипингай.

Около 67 разъѣзда есть двѣ-три деревушки. Въ день оставленія его головнымъ отрядомъ я прошелся въ эти деревушки. Взрослые и дѣти съ поля глядѣли на разборку пути. Имъ уже извѣстно было о заключеніи мира, но они при каждомъ случаѣ старались провѣрить извѣстіе объ этомъ давно желанномъ для нихъ событіи.

— Война буди нѣтъ?
— Война кончайла?

Старики, не говорящіе ни слова по-русски, одобрительно кивали головой на мои разъясненія, а подвижные ребятишки, очень скоро научившіеся объясняться по-русски и теперь переводившіе мои слова, прыгали и визжали отъ радости.

Если среди нашей и японской арміи есть много недовольныхъ заключеніемъ мира, зато милліоны мирныхъ жителей, непрічастныхъ къ войнѣ и перенесшихъ изъ-за нея столько страданій и униженій, вздохнуть свободно.

Они переспрашивали меня, правда ли, что сюда придутъ «ипэнъ» и будутъ ихъ новыми господами. Мальчишки, успѣвшіе привыкнуть и поддаживаться къ русскимъ солдатамъ, выражали боязнь передъ новыми еще неизвѣстными хозяевами, но старики молчали. Они знали, что когда сюда придутъ «ипэнъ»—имъ не будетъ хуже.

Новые хозяева заведутъ здѣсь новые порядки, какъ и во всей занятой ими южной Манчжуріи. Они исправятъ дороги, вмѣсто ласковой нагайки учредятъ строгіе суды, и откроютъ свои школы, гдѣ изъ этихъ живыхъ и любознательныхъ ребятишекъ воспитаемъ будутъ готовить своихъ вѣрныхъ союзниковъ.

В. Табуринь.

Японскія каррикатуры. (Съ 16 рис. на стр. 865 и 866).

Существуетъ ли каррикатура въ Японіи? Культивируютъ ли японскіе художники этотъ легкій и юмористическій жанръ въ искусствѣ? Свойственно ли характеру этого народа подмѣчать и изображать смѣшныя и достойныя ироніи и сарказма черты въ общественной или политической жизни?

И если да, то какъ дѣлаютъ они это? Вкладываютъ ли сарказмъ и иронію въ самую сущность содержанія рисунка, или же огра-

ниваются утрировкой изображаемыхъ предметовъ, то-есть чисто внѣшней смѣхотворностью?

На эти вопросы можно отвѣтить только тогда, когда мы познакомимся, вообще, съ японской живописью, которая настолько своеобразна и необычна для европейскаго глаза и понятія, что приходится примѣнять къ ней совсѣмъ особую мѣрку и оцѣнку. И въ этомъ отношеніи нужно непременно принимать во вниманіе черты японскаго народнаго духа и національныя особенности.

Съ японскимъ искусствомъ мы, въ сущности, знакомы довольно хорошо: у насъ, какъ и въ Европѣ, съ давнихъ временъ пользуются большимъ успѣхомъ различные objets d'arts, вывезенные изъ Японіи, мелкія издѣлія изъ перламутра, слоновой кости и лакированнаго дерева. Подобные предметы бывають обыкновенно разрисованы, и рисунки чаще всего изображаютъ цвѣты, птицъ и звѣрей и рѣже—людей. Въ этихъ рисункахъ бросается въ глаза удивительная точность или, вѣрнѣе, мелочность работы. Японцы не упускають ни одной подробности, стараются изобразить каждый лепестокъ цвѣтка, каждое перышко птицы, какъ бы мелокъ ни былъ изображаемый предметъ. Одновременно съ этимъ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что звѣрей, птицъ и nature morte японцы изображаютъ правильно и безъ утрировки, а людей обыкновенно превращають въ какихъ-то уродцевъ. Особенно славывается эта склонность ихъ изобразительнаго творчества въ скульптурѣ: вспомнимъ, наприимѣръ, статуэтки божковъ и различныя фигурки изъ слоновой кости—эти уморительныя и безобразныя grotesques, со странно искривленнымъ туловищемъ, съ уродливыми лицами.

Кромѣ того, въ японскомъ искусствѣ замѣтно собственное японцамъ стремленіе къ разнымъ фокусамъ: имъ нравится устраивать что-нибудь необыкновенное, замысловатое—деревья въ формѣ звѣрей, хитроумныя шпатулки, фантастическія фигурки драконовъ и пр.

И вотъ, когда намъ удалось за последнее время ознакомиться съ настоящей японской живописью, съ настоящими картинами извѣстныхъ художниковъ «страны восходящаго солнца», мы видимъ въ ихъ произведеніяхъ тѣ же черты, которыя такъ знакомы намъ въ японскомъ прикладномъ искусствѣ.

Какъ тамъ, такъ и тутъ бросаются въ глаза удивительная мелочность и детальность выполненія, склонность къ необыкновенному и стремленіе къ уродливости въ изображеніи чело-
вѣка.

Станція Сипингай.

Головной отрядъ у своего поѣзда на 67 разъѣздѣ. Офицеры отряда и техники.

Къ статьѣ „Миръ“. Разборка пути.

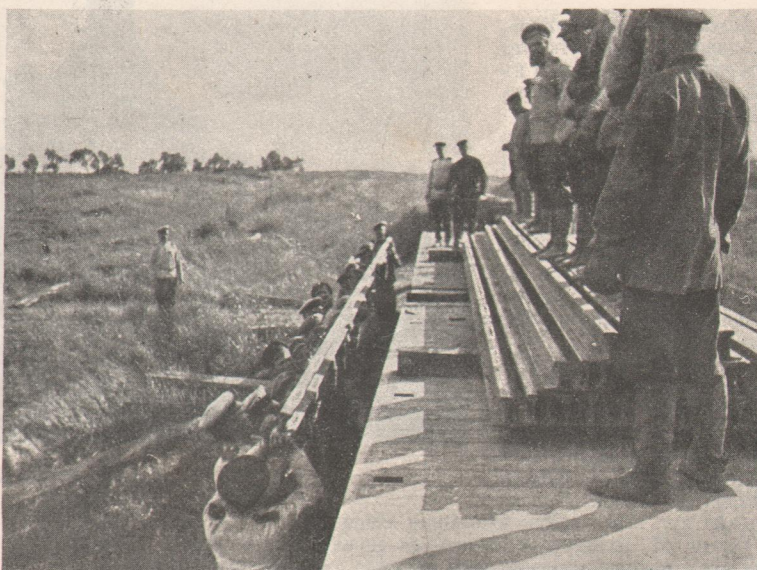
Рисовальное искусство въ Японіи имѣетъ очень длинную исторію. Тамъ существуютъ картины, которымъ насчитывается до 400 лѣтъ и болѣе. И картины эти по своимъ качествамъ и манерѣ письма мало отличаются отъ болѣе позднихъ произведеній живописи,—такъ мало прогрессируетъ японское искусство.

Въ нихъ отсутствуетъ перспектива, такъ что съ перваго взгляда совершенно нельзя понять, что хотѣлъ изобразить художникъ въ хаосѣ переплетающихся линій и странныхъ завитковъ? Краски картинъ блѣдны и вялы, и обычно преобладаютъ просто тушь. Наконецъ, сюжеты ихъ довольно-таки однообразны: изображенія плодовъ, птицъ, звѣрей, классическій горный пейзажъ, съ горою Фузи-Яма, фигуры и сцены изъ японской мифологіи и всевозможные драконы—вотъ почти и все. Лишь въ позднѣйшее время, начиная приблизительно съ начала XIX столѣтія, манера рисованія и сюжеты картинъ у японскихъ художниковъ нѣсколько освѣжились и пошли впередъ подъ влияніемъ знаменитаго Хоксаи или Хоку-Сай. Хоксай далъ довольно много жанровыхъ рисунковъ, въ которыхъ замѣтна наблюдательность, умѣнье схватывать позы и движенія живыхъ людей и знаніе анатоміи человѣческаго тѣла. Но и онъ не могъ окончательно освободиться отъ странной утрировки, и въ концѣ-концовъ положительно нельзя понять этого непреодолимаго стремленія къ уродству и противоестественности у японскихъ художниковъ.

Но когда разсматриваешь уродцевъ и страшилищъ на ихъ картинахъ, когда видишь невозможныя фигуры людей съ длинными, изгибающимися, какъ веревка, шеями, съ одноглазыми, ужасными физиономіями, не-

вольно начинаешь приходить въ голову мысль: не каррикатуры ли все это?

Все—едва ли. Въ утрированномъ и уродливомъ видѣ японцы изображаютъ даже боговъ и героевъ. Трудно предположить, чтобы они рисовали однѣ лишь каррикатуры на нихъ; но нѣкоторые изъ ихъ картинъ и рисунковъ положительно сродни нашимъ стариннымъ каррикатурамъ, въ которыхъ вся соль и весь юморъ заключались въ уродливости изображенія и въ утрировкѣ внѣшности. Приходить въ голову также и другая мысль: не отъ японцевъ ли заимствовали европейскіе каррикатуристы эту манеру утрировки, преувеличенія и уродства? Въдѣ Европа съ давнихъ поръ имѣла сношенія съ Японіей. Японцы торговали съ голландцами еще сотни лѣтъ тому назадъ, и изъ исторіи известно, что они бывали и въ Испаніи. Такъ, въ 1580 году четыре посланника изъ Іеддо посѣтили Мадридъ и любовались драгоцѣнностями и художественными произведеніями, хранившимися въ Эскуріалѣ. На японское искусство это посѣщеніе, кажется, не оказало особаго вліянія, но европейцы, навѣрное, не разъ имѣли случай познакомиться съ японскимъ художествомъ и почерпнуть изъ него все то, что заинтересовало ихъ. И очень возможно, что они воспользовались этимъ, согласно принципу: «Je prends mon bien, où je le trouve». Возможно также, что европейская карриатура, склонная между прочимъ изображать людей съ звѣриными головами, позаимствовала и эту черту у японцевъ: у послѣднихъ существуетъ немало рисунковъ, изображающихъ лису и барсука (особенно лису) въ человѣческомъ видѣ. Трудно сказать, относятся ли такіе рисунки къ разряду каррикатуры, такъ какъ лиса играетъ почетную роль въ японской мифологіи, но, во всякомъ случаѣ, они заставляютъ вспомнить наши старинныя каррикатуры...

Къ статьѣ „Миръ“. Разборка пути. Нагрузка рельсъ.

Къ статьѣ „Миръ“. Гунчжулинъ. Расформированіе китайскаго наемнаго отряда генерала Ухача-Огаровича.

Итакъ, многіе японскіе рисунки заставляютъ подозрѣвать, не каррикатуры ли они? Многія произведенія Хоксаи содержатъ въ себѣ какъ будто пропію и насмѣшку надъ людьми и ихъ дѣйствіями: таковы, напримеръ, его «Курильщики опіума», «Игроки», «Паяцы», его эскизы «Жирныхъ людей». Но съ другой стороны всѣ эти рисунки можно трактовать, и какъ серьезныя этюды. «Курильщики опіума»—фантастическая сцена, полная какого-то кошмарнаго, жуткаго настроенія. «Игроки»—можетъ-быть, простой жанръ, лишь кажущійся намъ карриатурой, благодаря странной привычкѣ японскихъ художниковъ къ утрировкѣ размѣровъ, позъ и движеній человѣческаго тѣла. «Паяцы» и «Жирные»—комичны по своему виду, независимо отъ какой-либо утрировки: они, такъ сказать, утрированы помимо воли художника.

Но если эти рисунки вызываютъ сомнѣніе въ ихъ характерѣ, то существуетъ цѣлый рядъ произведеній японской живописи, которыя приходится причислить къ несомнѣннымъ каррикатурамъ, на томъ основаніи, что они предназначены *забавлять* зрителя. Въдѣ таково назначеніе многихъ каррикатуръ и у насъ. Увеселеніе, развлеченіе составляютъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ каррикатуры.

Все дѣло только въ томъ, какимъ способомъ каррикатуристы добиваются этой цѣли. Одни изъ нихъ увеселяютъ зрителя внѣшностью рисунка, другіе—содержаніемъ. Чѣмъ же увеселяютъ и развлекаютъ зрителя японскіе художники?

Вотъ тутъ-то и сказывается присущая японской на-

ции склонность къ фокусничеству. Въ тѣхъ рисункахъ, о которыхъ мы навѣрное знаемъ, что они служили для развлечения, японцы забавляли зрителя не содержаниемъ, не внѣшностью рисунка, но *способомъ его выполненія*.

Такъ, они рисовали, напримѣръ, не кистью, какъ рисуютъ обыкновенно, а пальцемъ, обмакнутымъ въ тушь, или же бутылкой, или инымъ неподходящимъ предметомъ. Или же устраивали какой-нибудь *tour de force*, такъ что рисунокъ получался путемъ совсѣмъ особыхъ дѣйствій, ничего общаго съ живописью не имѣющихъ. О знаменитомъ Хоксаѣ рассказываютъ, напримѣръ, слѣдующее:

Однажды его пригласили къ себѣ شوгунъ (владѣтельный князь) Токугава, пожелавшій насладиться его талантомъ. Хоксай рисовалъ по приказанію князя все, что попадалось тому на глаза: пейзажи, деревья, птицъ и цвѣты, и наконецъ شوгуну все это надоѣло. Тогда Хоксай рѣшилъ позабавить его совсѣмъ особымъ искусствомъ.

Онъ взялъ огромную ленту бумаги, окрасилъ ее индиго и приказалъ своимъ ученикамъ принести нѣсколькихъ пѣтуховъ, затѣмъ онъ обмакнулъ ноги этихъ пѣтуховъ въ пурпуръ и пустил ихъ бѣгать

Адмиралъ Того.

по окрашенной въ голубой цвѣтъ бумажной лентѣ. При этомъ онъ направлялъ ихъ своей палочкой въ ту или другую сторону—и вскорѣ удивленный Токугава увидѣлъ предъ собой вмѣсто голубой бумаги рѣку Тацута, съ ея скалами, покрытыми травой и цвѣтами... Всю эту картину нарисовали своими лапами пѣтухи подъ управленіемъ Хоксаѣ.

Вотъ этотъ курьезный случай и даетъ намъ полное понятіе о томъ, что такое настоящая несомнѣнная японская карриатура. Чуждая ѣдкой соли, юмора и насмѣшки, она имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку она способна заинтересовать, позабавить и привлечь зрителя чѣмъ-либо необыкновеннымъ—и прежде всего—самымъ способомъ своего возникновенія.

Въ позднѣйшее время, подъ влияніемъ европейскихъ понятій и вкусовъ, въ Японіи, кажется, начинаютъ возникать заодно съ развитіемъ прессы и настоящая карриатура—политическая и общественная. Но образчиковъ ея пока слишкомъ мало, чтобы принимать ихъ серьезно во вниманіе. Настоящая же японская живопись,—живопись, такъ сказать, классическая,—повидимому, совершенно чуждалась искусства этого рода. Мы говоримъ, повидимому—потому что все-таки нѣкоторыя японскія картины и въ ихъ числѣ

Опійный дымъ. („Курильщики опіума“). Изъ японскаго альбома.

Генералъ Оку.

Генералъ Куроки.

Маршалъ Ояма.

Генералъ Ноги.

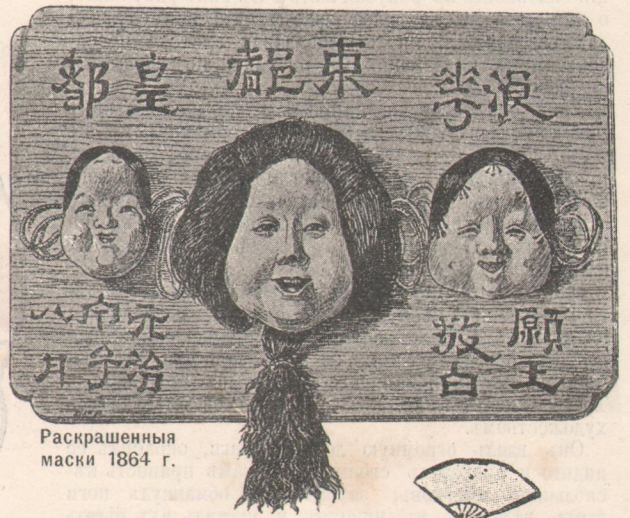

Генералъ Нодзу.

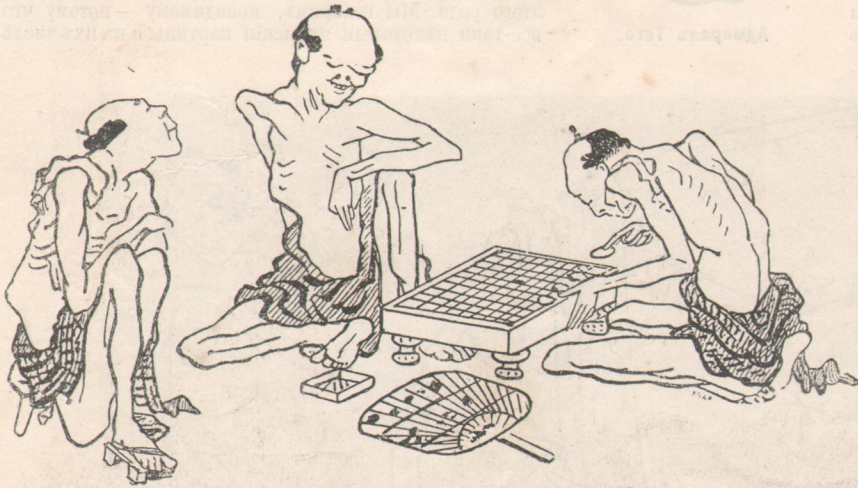
Японскія карриатуры.

Японская карриатура 1820 г.

Раскрашенные маски 1864 г.

Игроки (по Хоксаю).

Актеръ въ лисьей маскѣ (по Хоксаю).

Толстякъ (по Хоксаю).

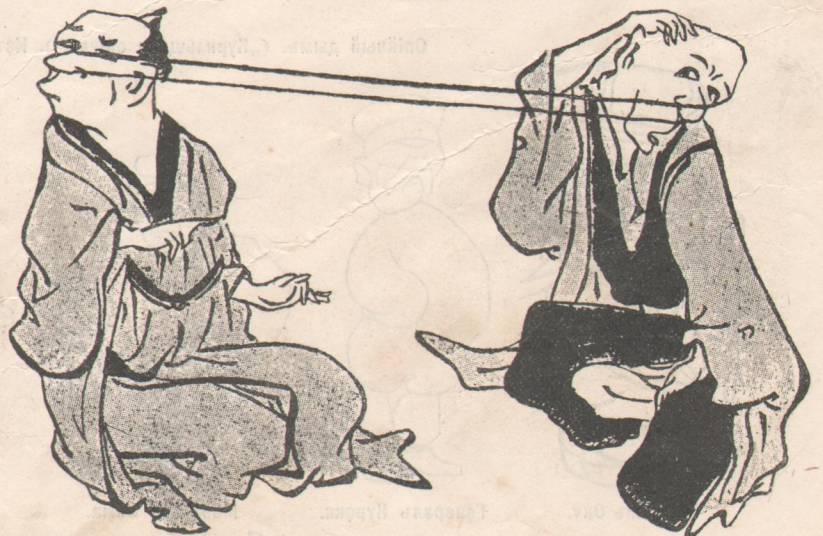
Армія лисиць подъ дождемъ (по Хоксаю).

Паецъ (по Хоксаю).

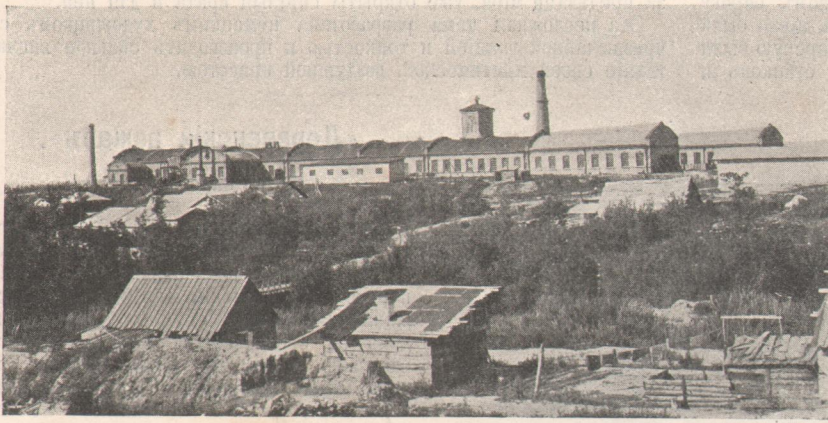

Туалетъ японки (по Хоксаю).

Паецы. (Изъ народнаго японскаго альбома).

Японскія карриатуры.

Общій видъ мастерскихъ.

картины Хокса, вызываютъ сомнѣніе — не продуктъ ли прониі онѣ?

Но зато ихъ несомнѣнный произведенія забавнаго и увеселительнаго характера, какъ мы видѣли, могутъ считаться карриатурами лишь съ японской точки зрѣнія. Съ нашей же точки зрѣнія онѣ — простой фокусъ. Для карриатуры въ нихъ нѣтъ самаго главнаго: забавности, ироніи или юмора въ самомъ рисункѣ, или въ его содержаніи.

Въ заключеніе упомянемъ о томъ курьезномъ обстоятельстве, что японское искусство при всей его примитивности (а можетъ-быть и благодаря ей) продолжаетъ оказывать и понынѣ несомнѣнное вліяніе на европейское искусство. Въ числѣ рисунковъ, иллюстрирующихъ нашъ очеркъ, воспроизведено нѣсколько карриатуръ талантливаго шведскаго художника Вих.

Эти карриатуры изображаютъ извѣстныхъ японскихъ героев и носятъ несомнѣнные слѣды подражанія японскому искусству.

Такимъ образомъ, японское искусство, близкое

по внѣшности къ карриатурѣ, повидимому создало европейскую карриатуру, но само не дало почти ничего въ этомъ родѣ. Странный, чуждый для насъ народъ, странные понятія и вкусы. Странная судьба его искусства!

Окружная артиллерійская мастерская въ г. Хабаровскѣ.

(Съ 3 рис. на этой стр.).

Въ теченіе минувшей русско-японской войны съ достаточной ясностью опредѣлилось, что значить хорошая техническая подготовка къ военнымъ дѣйствіямъ. Выяснилось, какую важность имѣетъ правильная постановка всей матеріальной части, ея устройство и исправленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не важно и не необходимо было имѣть хорошіе арсеналы и благоустроенныя мастерскія, въ которыхъ изготовлялись новые снаряды и орудія и чинились и исправлялись поврежденные? Къ сожалѣнію, у япон-

1) Полк. Ванковъ, 2) Капитанъ Ивановъ, 3) Капитанъ Валленростъ, 4) Тит. сов. Мозговъ, 5) Тит. сов. [Ворожейкинъ], 6) Шт.-нап. Стратонъ, 7) Тит. сов. Ефимовъ, 8) Тит. сов. Васильевъ, 9) Тит. сов. Григорьевъ, 10) Тит. сов. Видеманъ, 11) Кол. секр. Шигинъ, 12) Губ. секр. Федотовъ, 13) Губ. секр. Ивановъ, 14) Губ. секр. Коргузановъ, 15) Прапорщ. 24 Стрѣлковаго полка Ламертъ, 16) Кол. рег. Маркевичъ, 17) Техн. мастеръ Петровъ.

Чины мастерскихъ.

Чины мастерской и мастера по окончаніи работъ.

Окружная артиллерійская мастерская въ г. Хабаровскѣ.

певъ въ этомъ отношеніи былъ крупный перевѣсъ сравнительно съ нами: они имѣли у себя на родинѣ, въ непосредственной близости къ театру военныхъ дѣйствій, цѣлую армію опытныхъ рабочихъ и 8 великолѣпно-оборудованныхъ арсеналовъ, которые могли снабжать войска вновь изготовленными или исправленными предметами чрезъ 4—6 дней по выпускѣ ихъ съ завода. Имѣлись у нихъ въ такой же близости къ полямъ сраженій и превосходные заводы боевыхъ снарядовъ.

У насъ же дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Оно могло бы обстоять и совсѣмъ плохо, если бы не Хабаровская окружная артиллерійская мастерская. Это былъ единственный заводъ боевыхъ снаряженій, находившійся въ сравнительно близкомъ разстояніи отъ театра войны, и роль его въ минувшей войнѣ была настолько существенна и важна, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Мастерская, о которой идетъ

рѣчь, возникла въ 1900 году, т. е. еще за пять лѣтъ до русско-японской войны. Она построена на высокомъ правомъ берегу р. Амура, близъ станціи желѣзной дороги, гдѣ не такъ давно была лишь мертвая, непроходимая тайга. Вначалѣ на мастерскую были возложены лишь весьма скромныя функціи, и число станковъ и рабочихъ въ ней было очень ограничено.

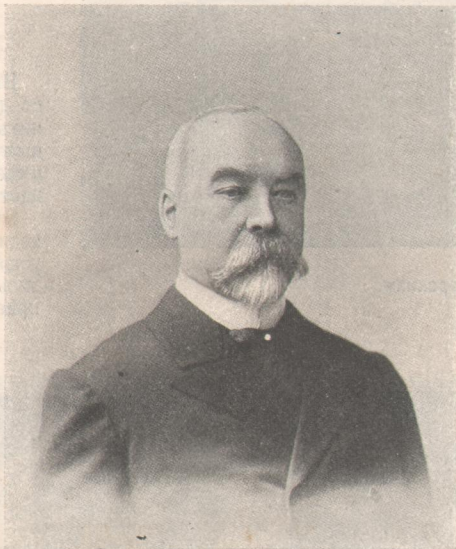
Но предъ войной заводъ сталъ готовиться къ новой, усиленной работѣ. Начальникъ мастерской, полковникъ Ванковъ, предвидя, что въ случаѣ войны заводъ приобрететъ громадное значеніе, предпринялъ рядъ энергическихъ хлопотъ для его переустройства и расширенія. Хотя штатное число мастеровыхъ было всего только 86 человекъ, полковнику Ванкову удалось исключительнымъ образомъ увеличить количество станковъ. Число рабочихъ было доведено до 500, были заказаны электрическіе моторы и поставленъ двигатель въ 100 силъ вмѣсто 30-силнаго.

Какъ только вспыхнула война, стало сразу ясно, насколько полезно было увеличить производительность завода. Потребовались орудія, зарядные ящики, колеса, кирки, мотыги. Изъ Петербурга все это шло очень долго, а изъ Хабаровска поступало въ самое непродолжительное время. И заводъ сталъ работать съ лихорадочной энергіей, служа вѣрой и правдой важнѣйшему въ данный моментъ дѣлу снабженія арміи боевыми предметами.

Мастерамъ и рабочимъ приходилось въ теченіе всей войны работать отъ 6 часовъ утра и до 10—12 часовъ ночи, лишь съ небольшими перерывами. Праздники почти не соблюдались; слишкомъ ужъ экстренны были всѣ работы мастерской! Работали всѣ станки, всѣ отдѣленія — и все-таки еле-еле успѣвали сдѣлать все заказанное. Мастерская, будучи единственнымъ въ краѣ техническимъ заведеніемъ, работала не только для артиллеріи дѣйствующей арміи, но также и на интендантство и на военно-инженерное вѣдомство, и на Красный Крестъ. За полтора года ею было выпущено нѣсколько сотъ орудій, передковъ, зарядныхъ ящиковъ, повозокъ, нѣсколько тысячъ колесъ, кирокъ и мотыгъ, и тысячи другихъ подобныхъ предметовъ. Для Краснаго Креста артиллерійская мастерская изготовила, между прочимъ, 70 новыхъ двуколокъ для возки раненыхъ и множество иныхъ приспособленій для той же цѣли.

Въ настоящее время артиллерійская мастерская въ г. Хабаровскѣ представляетъ собою цѣлый городокъ со своими казармами, кухней, церковью, зданіемъ конторы и прочими постройками. Въ будущемъ же предполагается еще болѣе увеличить размеры и производительность этого городка: послѣ войны въ мастерскую поступитъ необозримое множество предметовъ артиллерійской части для исправленія. Кроме того, ей придется обслуживать всю многочисленную армію, которая, надо думать, останется на Дальнемъ Востоцѣ и по окончаніи войны.

А такъ какъ прежняя лихорадочная, форсированная работа невозможна въ теченіе всего дальнѣйшаго времени, то для выполнения всѣхъ грядущихъ серьезныхъ работъ заводъ долженъ, есте-

П. Н. Глаголевъ, вновь назначенный С.-Петербургскій почтъ-директоръ.

ственно, увеличить количество станковъ и рабочихъ.

Однимъ словомъ, хабаровской мастерской еще предстоитъ иная серьезная будущность.

Видѣніе.

(Картина худ. Нонненбруха, стр. 853).

Христіанской мученицѣ, умирающей въ рукахъ палачей, является видѣніе. Свѣтлый ангелъ склоняется къ ней и молить ее не предаваться темному духу отчаянія, не проклинать, не отрекаться отъ Христа, но претерпѣть до конца. И съ улыбкой надежды и отрады внимаешь этимъ увѣщаніямъ измучен-

ная страдалица и вѣрить, что не долго уже терпѣть, и что тамъ, за предѣлами міра, уже открыты свѣтлыя врата и для нея.

Эта несложная тема разработана нѣмецкимъ художникомъ съ чрезвычайной граціей и тонкостью и производитъ сильное впечатлѣніе своей мистической, воздушной красотой.

«Деревенскій пожаръ».

(Рис. на стр. 856).

Въ числѣ извѣстныхъ «Сказокъ» нашего знаменитаго сатирика, М. Е. Салтыкова, имѣется великолѣпная жанровая картина «Деревенскій пожаръ», настолько живая и реальная, что самъ авторъ, придавъ ей свойственный остальнымъ его сказкамъ характеръ общественной сатиры, счелъ необходимымъ дать ей подзаголовокъ: «Не то сказка, не то былъ».

«Сказка» эта полна истиннаго трагизма. «Въ деревнѣ Софонихѣ вспыхнулъ пожаръ». Мужики «въ одночасье» погорѣли, а у тетки Татьяны заживо сгорѣлъ мальчикъ Петька. И, вотъ, на ряду съ глубоко-трагическими сценами этого бѣдствія, авторъ рисуетъ сатирическую сцену утѣшительнаго пустословія, съ которымъ обращается къ погорѣльцамъ сельскій батюшка:

— Рошцешь?—говорилъ онъ Петькиной матери.—А Юва помнишь? Нѣтъ? Такъ я тебѣ напомню! Черезъ короткое время Ювъ былъ и здоровъ, и богатъ, и славенъ болѣе прежняго. Стада умножились, дѣтей народилось достаточно. Словомъ сказать, все...

Однако батюшкины увѣщанія доходили до Татьяны въ формѣ смутнаго и назойливаго шума. Она устремила глаза на ту линію, которая раздѣляла уцѣлѣвшую часть Петькина лица отъ обуглившейся, и тихо шептала:

— Господи, видишь ли?!

Эта сцена и изображена на рисункѣ художника А. Алсита.

Рыцарь Олафъ. Стих. Г. Гейне.

(Рис. на стр. 857).

Въ своей балладѣ «Рыцарь Олафъ» гениальный нѣмецкій поэтъ рисуетъ намъ одну изъ ужасающихъ «романтическихъ» трагедій, которыя кажутся намъ теперь какими-то зловѣщими сказками, но въ средніе вѣка были не чѣмъ инымъ, какъ самою настоящею дѣйствительностью.

Рыцарь Олафъ, женившійся на дочери короля, долженъ умереть на плахѣ въ день своей свадьбы. Палачъ уже держитъ наготовѣ топоръ, и только по просьбѣ Олафа король даруетъ ему право провестись съ новобрачной королевой время до полуночи. Но вотъ бьетъ и полночь.

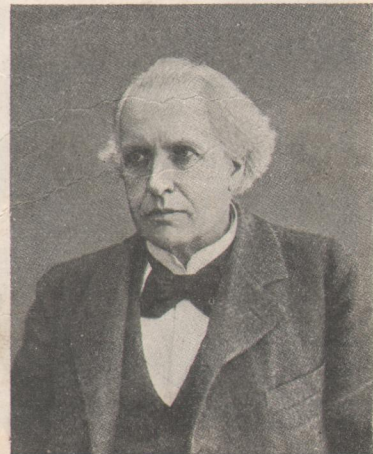
Ужъ сошлись во дворѣ монахи,
За псаломъ поютъ псаломъ,
И палачъ у черной плахи
Всталъ съ блестящимъ топоромъ.

Озарень весь дворъ огнями,
На крыльцѣ Олафъ стоитъ
И, румяными устами
Улыбаясь, говорить:

«Слава въ небѣ звѣздамъ
чистымъ!
Слава солнцу и луи!
Слава птицамъ голосистымъ
Въ поднебесной вышинѣ!»

Олафъ славитъ «безбрежныя воды и фіалки, нѣжныя, какъ глаза его жены», и умираетъ со словами:

«Надо съ жизнью разетаваться
Изь-за этихъ синихъ глазъ...
Слава рошѣ, гдѣ видаться
Мы любили въ поздній часъ...»

Артистъ М. И. Писаревъ († 30 сентября с. г.).

Генераль-адъютантъ, И. Г. Амилахвари († 27 августа с. г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“ НА 1906-Й ГОДЪ, въ составъ которой войдетъ **ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

проф. ОСКАРА ЙЕГЕРА,

не стереотипное издание, въ 12-ти ежемѣс. выпускахъ, которые составятъ 4 большихъ тома, заключающихъ въ себѣ около 2.600 стр. текста большого 8^ю, около 1.000 художественно-исполнен. гравюръ, 80 отдѣльн. приложений, отпечат. золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, около 40 историч. картъ и плановъ. Первые 3 тома—въ переводѣ и съ дополненіями (по русской исторіи) П. Н. Полевого—новъ пересмотрѣны и исправлены Л. З. Слонимскимъ, 4-ый томъ—въ новомъ переводѣ по послѣднему нѣмецкому изданію, подъ редакціею и съ дополненіями Л. З. Слонимскаго. Изложеніе событій доведено до 1905 г., со включеніемъ обстоятельно иллюстрированного очерка русско-японской войны.

Этотъ огромный, замѣчательный трудъ извѣстнаго историка выстрадалъ у насъ, въ Россіи, уже три изданія, и въ настоящее время мы рѣшили повторить «Всеобщую Исторію» четвертымъ изданіемъ.

Объявляя о томъ, что «Всеобщая Исторія» О. Йегера составитъ иллюстрированную Библиотеку Нивы на будущій 1906 годъ, мы имѣемъ навстрѣчу желаніямъ многихъ лицъ, высказаннымъ намъ въ последнее время. Въ нашемъ обществѣ все сильнѣе сказывается стремленіе къ исторической наукѣ. Бурный потокъ общественной жизни, увлекшій народные умы, пробиваетъ себѣ новое русло къ свободному выходу на широкій просторъ гражданского самосознанія. Но для того, чтобы сознательно участвовать въ общественномъ ходѣ нашей государственной и общественной жизни, необходимо твердо усвоить основы нашего гражданского быта и нашего историческаго прошлаго; понимать всю преемственность исторической жизни Европы, уяснить весь постепенный ходъ міроваго прогресса и знанія.

Дать все это можетъ только Всеобщая Исторія, эта, по выраженію Карамзина, «священная книга народовъ».

Пользующаяся громаднымъ успѣхомъ въ Германіи, впервые переведенная нами въ русскомъ переводѣ, «Всеобщая Исторія» проф. Йегера стала уже поистинѣ русской книгой, имѣющей въ виду и такую широкую аудиторію—русскаго читателя.

Изявляя трудъ проф. Йегера, покойный издатель А. Ф. Марксъ рѣшилъ редактировать ея переводъ такому знатоку исторіи, какъ былъ уже то же покойный, извѣстный писатель П. Н. Полевой, и подъ его опытнымъ руководствомъ «Всеобщая Исторія» была значительно расширена и дополнена въ области русской исторіи, какъ въ отношеніи текста, такъ и въ смыслѣ иллюстрацій. Такой полной и въ то же время сжатой, такой объективно и научно изложенной, такой богатой иллюстраціями «Всеобщей Исторіи» у насъ не было и нѣтъ.

Этимъ объясняется значительный успѣхъ у насъ труда Йегера.

Въ послѣднее третье изданіе «Всеобщей Исторіи» много внесено новаго и знаній новый редакторъ ея, извѣстный социологъ и политико-экономъ Л. З. Слонимскій, доведшій «Всеобщую Исторію» до послѣднихъ дней русско-японской войны и портсмутскаго мира.

«Всеобщая исторія» осталась вѣрна общему раздѣленію исторіи на четыре періода. Эти четыре великія эры—четыре года великихъ историческихъ событій: 476 г. по Р. Х.—разрушеніе Зап.-Римской Имперіи,—пресѣкъ Древнюю Исторію и ввелъ новую жизнь въ Среднюю Исторію, обнимающую болѣе тысячелѣтія и вступившую, въ 1517 г., начиная съ эпохи Реформации, въ фазу Новой Исторіи; кровавый и грозный 1789 г.—Великой Революціи, внесшій полную переодѣлку всѣхъ основ-

Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ „ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ“ О. ЙЕГЕРА ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО въ Конторѣ изданій А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ и высылается иногороднымъ за ОДИНЪ РУБЛЬ, который можно присылать почтовыми заказами въ заказномъ письмѣ. Имѣется также въ продажѣ: въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ, а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Лица, выписавшія первый выпускъ „ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ“ О. ЙЕГЕРА, могутъ подписаться на все изданіе со втораго выпуска, уплачивая, понятно, въ этомъ случаѣ однимъ рублемъ меньше.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12-ти выпускахъ по одному выпуску въ мѣсяцъ:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . . 12 р.
съ доставкой: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія № 1 и 2) въ Одессѣ, въ книжномъ маг. „Образованіе“ (Ришельев- № 12) . . . 13 р.
2) въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи . . . 14 р.
3) съ пересылкой за границу . . . 16 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:
БЕЗЪ ДОСТАВКИ: СЪ ДОСТ. И ПЕРЕС.

	въ 2			въ 3			въ 4			въ 6		
	срочка	срочка	срочка	срочка	срочка	срочка	срочка	срочка	срочка	срочка	срочка	
При подпискѣ	6 р.	4 р.	3 р.	3 р.	7 р.	5 р.	4 р.	4 р.				
1 февраля . . .	—	—	3 р.	2 р.	—	—	3 р.	2 р.				
1 марта . . .	—	4 р.	—	—	—	5 р.	—	—				
1 апрѣля . . .	—	—	—	2 р.	—	—	—	2 р.				
1 мая . . .	6 р.	—	3 р.	2 р.	7 р.	—	4 р.	2 р.				
1 іюля . . .	—	4 р.	—	2 р.	—	4 р.	—	2 р.				
1 августа . . .	—	—	3 р.	1 р.	—	—	3 р.	2 р.				

Для гг. служащихъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. назначенныхъ и управляющихъ, **разсрочка платежа допущается на еще болѣе льготныхъ условіяхъ.**

Отдѣльные выпуски „ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ“ О. ЙЕГЕРА не продаются и изданіе съ наложеннымъ платежомъ не высылаются. Только первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно за 1 руб. (подробности см. выше). По подпискѣ „ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“ О. ЙЕГЕРА высылаются только выпуски, по одному выпуску въ мѣсяцъ, при чемъ, на основаніи закона Газетной Экспедиціи, изданіе въ переплетѣ не высылается, но для подписчиковъ имѣются въ продажѣ четыре прочныхъ переплета изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ кожаными корешками, цѣною въ 3 руб., съ пересылкою—3 руб. 50 коп.

Но желающіе могутъ получить сразу все изданіе (12 выпусковъ), безъ переплетовъ или въ 4-хъ коленкорныхъ переплетахъ, уплативъ стоимость изданія по цѣнѣ 12 руб., съ пересылкою 14 руб.; въ 4-хъ переплетахъ 16 руб., съ пересылкою въ Европейской Россіи—18 руб., а въ Азіатскую Россію—по разстоянію за 20 фунтовъ. Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ, украшенное многими образцами иллюстрацій, высылается безплатно по первому требованію (открытымъ письмомъ).

Заказанія и деньги адресовать въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

П. Н. Глаголевъ.

(Портр. на стр. 868).

Послѣ смерти Е. Н. Чаплина на постъ с.-петербургскаго почтъ-директора назначенъ 23 сентября с. г. начальникъ с.-петербургскаго почтово-телеграфнаго округа П. Н. Глаголевъ.

Новому начальнику почтоваго дѣла въ столицѣ покойный Е. Н. Чаплинъ оставилъ богатое наслѣдство въ видѣ пѣлаго ряда реформъ, частью законченныя, частью начатыя, и такимъ образомъ П. Н. Глаголеву предстоитъ продолжать трудную работу, предпринятую его предшественникомъ.

Павель Николаевичъ Глаголевъ происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи и родился въ 1840 г. Окончивъ образование въ московскомъ университетѣ, онъ въ 1860 г. вступилъ на государственную службу и все время проходилъ ее по почтово-телеграфному вѣдомству, занимая послѣдовательно различныя должности.

Такимъ образомъ новый петербургскій почтъ-директоръ всесторонне знаетъ почтовое дѣло и быть своихъ подчиненныхъ; своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ сослуживцамъ онъ давно уже завоевалъ среди нихъ общія симпатіи.

Князь И. Г. Амилахвари.

(Портр. на стр. 868).

27 августа на Кавказѣ въ г. Гори скончался одинъ изъ виднѣйшихъ участниковъ покоренія Кавказа, генераль-адъютантъ князь Иванъ Гивичъ Амилахвари.

Покойный родился въ 1829 году; образование онъ получилъ въ тифлисской гимназіи, а по выходѣ изъ нея поступилъ вольноопредѣляющимся въ Нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ и служилъ до 1860 года.

Въ 1871 году кн. Амилахвари былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1874 году былъ произведенъ въ чинъ генераль-маіора и зачисленъ въ свиту Его Величества.

Во время войны 1877—78 гг. былъ назначенъ въ дѣйствующую армію и принималъ участіе въ бояхъ при Деве-Бойну и подъ Даяромъ.

Въ 1885 году И. Г. Амилахвари былъ уже начальникомъ 3-й Кавказской кавалерійской дивизіи. Въ 1886 году на него было возложено дѣло усмиренія волненій въ Терекской области.

Въ 1901 году покойный былъ назначенъ генераль-адъютантомъ, при чемъ занималъ должность генерала для особаго порученія при командующемъ войсками кавказскаго военнаго округа. На этой должности и застигла его 27-го августа смерть, навсегда унесшая изъ рядовъ русской арміи маститаго воина.

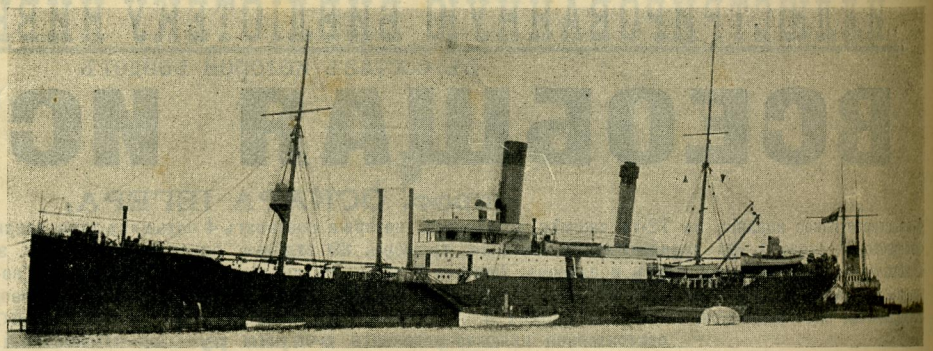
М. И. Писаревъ.

(Портр. на стр. 868).

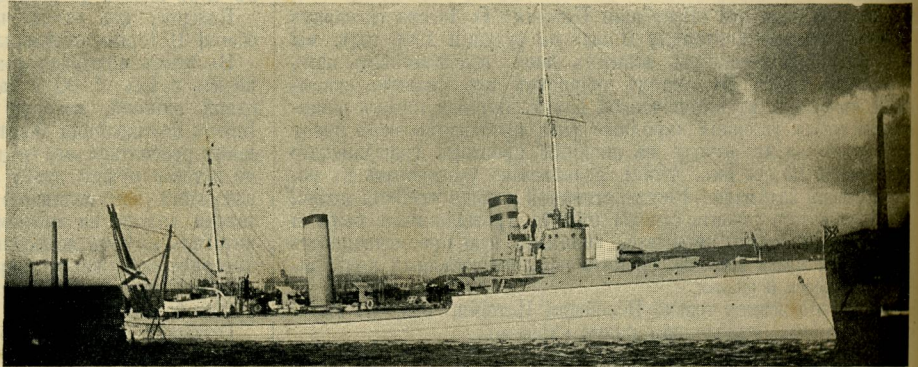
Русское искусство понесло тяжелую утрату: 30-го сентября скончался извѣстный драматическій артистъ Модестъ Ивановичъ Писаревъ.

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу столпы Александринскаго театра—лучшіе его представители, создавшіе и оставившіе намъ цѣлый рядъ прекрасныхъ традицій, цѣлую школу. Скончались Левкѣва, Жулева, Сазоновъ. А теперь скончался и М. И. Писаревъ.

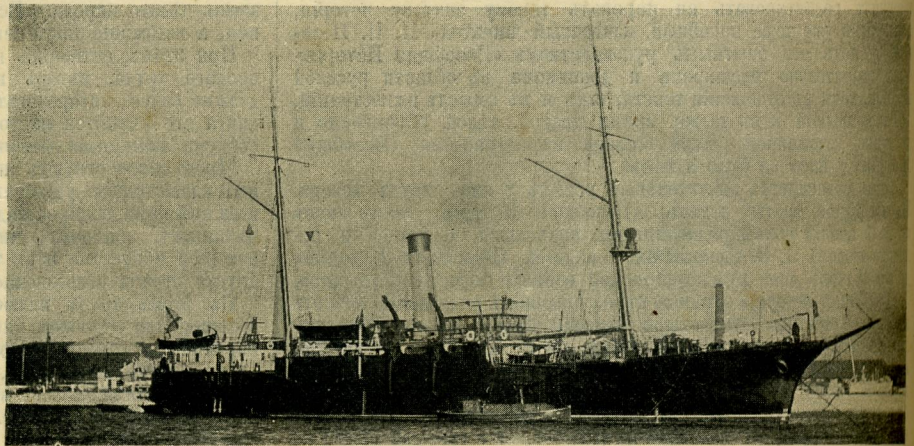
Покойнаго артиста хорошо знала вся Россія: онъ нерѣдко выѣзжалъ на гастроли въ провинцію и вездѣ имѣлъ огромный успѣхъ, какъ талантливый, умный и въ высшей степени интеллигентный артистъ. Смерть его, несомнѣнно, повергнетъ въ глубокую печаль всѣхъ, кому дорого родное искусство.

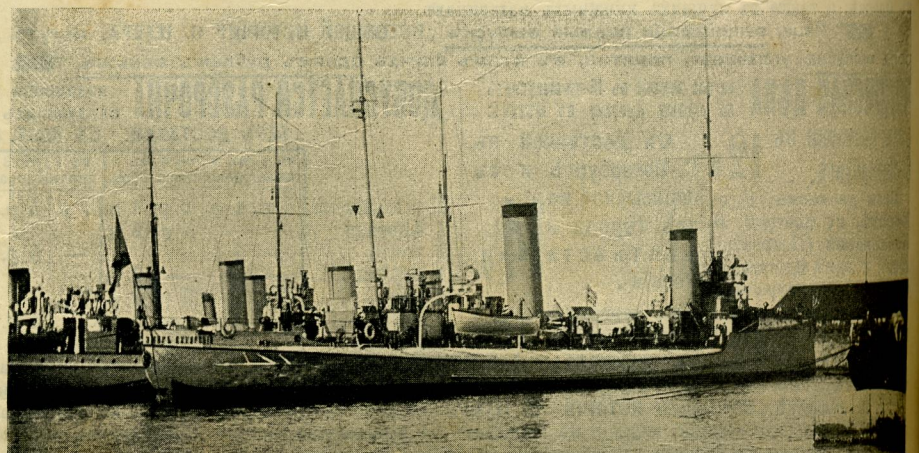
Пловучая мастерская „Ангара“.

Минный крейсеръ „Финнь“.

Минный транспортъ „Волга“.

Минный крейсеръ „Земіръ Бухарскій“ (построенъ на средства, пожертвованныя Эмиромъ).

Новая военная суда, построенныя на общественныя средства.

По фот. Апостоли, авт. «Нивы».

Модестъ Ивановичъ Писаревъ родился въ Москвѣ, въ 1844 году. Образование онъ получилъ въ московской 1-й гимназій и въ московскомъ университетѣ, причемъ еще на школьной скамьѣ приобрѣлъ крупныя связи съ тогдашнимъ литературнымъ міромъ, въ числѣ выдающихся его представителей, Аполлона Григорьева и П. Н. Островскаго.

Знаменитый критикъ А. Григорьевъ былъ преподавателемъ законовѣдннй въ той гимназій, гдѣ обучался Писаревъ. А чрезъ него Писаревъ сблизился и съ нашимъ великимъ драматургомъ и началъ страстную любовь къ театру, репертуаръ котораго только началъ тогда обновляться пьесами Островскаго.

Окончивъ университетъ, М. И. Писаревъ поступилъ на сцену и въ 1867 года сталъ играть сперва на провинціальныхъ сценахъ, потомъ на частныхъ московскихъ и, наконецъ, въ 1885 году вступилъ въ число артистовъ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Еще до этого онъ уже пользовался крупною извѣстностью, какъ редакторъ и истолкователь типовъ въ пьесахъ Островскаго: «Лѣсъ», «Гроза» и др. и въ драмѣ Писемскаго «Горькая Судьбина».

Въ этихъ пьесахъ М. И. Писаревъ выступалъ вмѣстѣ со своей женой, извѣстной артисткой П. А. Стрелетовой (нынѣ тоже покойной). Совмѣстная игра ихъ, особенно въ «Грозѣ» и «Горькой Судьбинѣ», вызывала всеобщіе восторги, памятные театральнымъ зрителямъ еще и теперь.

Репертуаръ М. И. Писарева былъ очень обширенъ и состоялъ

М. И. Драгомировъ. (Портр. на стр. 872).

Русскій военный міръ понесъ тяжелую утрату: въ г. Конотопѣ скончался 15 октября одинъ изъ самыхъ популярныхъ и видныхъ военныхъ дѣятелей, генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ.

Имя покойнаго генерала извѣстно всей Россіи; было время, когда М. И. Драгомировъ заставлялъ говорить о себѣ не только специально военные круги, но и всю русскую публику. Это было время русско-турецкой войны, такъ выдвинувшей и прославившей покойнаго.

Во время этой войны М. И. Драгомировъ проявилъ громадную опытность, самоотверженность и умѣлое руководство. Командуя 14-ю пѣхотной дивизіей, которая была прозвана «жѣзною», онъ выказалъ себя удивительнымъ стратегомъ во время переправы этой дивизіи черезъ Дунай у Зимницы. Переправа черезъ Дунай, о которой всѣ заграничныя газеты писали тогда, какъ о невозможной, была такъ умѣло проведена Драгомировымъ, что оказалась совершенно возможной и выполнимой, несмотря на убійственный огонь турокъ. Самъ генераль переправился тогда третьимъ рейсомъ, сейчасъ же вступилъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ въ бой и руководить его ходомъ, пока не занялъ всѣ окружающія высоты.

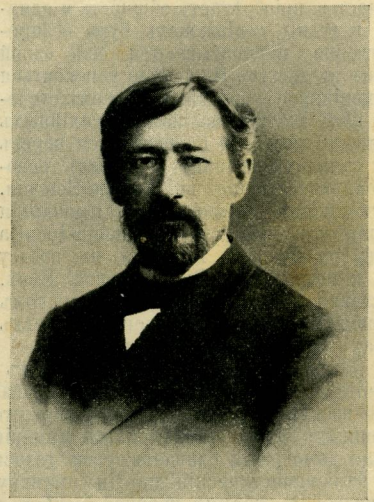
Кромѣ того тогда же М. И. Драгомировъ принялъ самое дѣятельное участіе въ знаменитой оборонѣ Шипки, при чемъ во время боя былъ раненъ въ колено.

Новый ректоръ Московскаго университета
проф. А. А. Мануйловъ.

Директоръ института инженеровъ путей
связи проф. Н. А. Бѣлелюбскій.

Директоръ Новороссійскаго университета
проф. И. Занчевскій.

Первые выборные ректоры нашей высшей школы. По фот. авт. «Нивы».

преимущественно изъ трагическихъ ролей, каковы, напримѣръ, король Лиръ, Иоаннъ Грозный, Миллеръ («Коварство и Любовь»), Иванъ («Горькая Судьбина»). Трагическія роли въ бытовыхъ пьесахъ удавались ему лучше, чѣмъ такія же роли въ пьесахъ классическаго репертуара.

Особенно же хорошъ былъ М. И. въ роли Геннадія Несчастливцева: въ ней онъ, положительно, не зналъ соперниковъ и своей игрой вызывалъ слезы, что очень рѣдко удается сдѣлать большому Несчастливцевымъ, напыщенно-ходульнымъ и трафаретно-трагическимъ.

Состоя въ числѣ артистовъ нашей Императорской сцены, М. И. Писаревъ кромѣ того преподавалъ драматическое искусство въ Императорскомъ театральномъ училищѣ и на частныхъ драматическихъ курсахъ. Выступалъ онъ также и на литературномъ поприщѣ, работая въ «Московскомъ Обозрѣніи» и другихъ журналахъ и газетахъ по отдѣлу театральнаго критики. Перу его принадлежатъ рядъ интересныхъ критическихъ статей, изобличающихъ въ М. И. Писаревѣ глубокий умъ, большую эрудицію въ театральномъ искусствѣ и истинное пониманіе литературныхъ задачъ. За послѣднее время покойникъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи новаго собранія сочиненій А. Н. Островскаго: онъ редактировалъ то и снабдилъ множествомъ интересныхъ комментариевъ.

М. И. Писаревъ окончательно покинулъ сцену два года тому назадъ. Болѣзнъ сердца, которою онъ страдалъ уже съ давняго времени, принудила тогда его прорваться съ театальной публикой навсегда оставить излюбленное и дорогое ему артистическое поприще. Отъ этой болѣзни онъ и скончался.

М. И. Писаревъ оставить по себѣ память въ тѣлописяхъ нашего ятра еще и тѣмъ, что онъ былъ первымъ вполне интеллигентнымъ широко образованнымъ артистомъ. Въ то время, когда актеры и актрисы 60-хъ годовъ не имѣли почти никакого образования, не только спеціальнаго, но и общаго, М. И. Писаревъ выступилъ на сцену, окончивъ полный университетскій курсъ. Благодаря этому обстоятельству, онъ принесъ съ собой на сцену живую струю интеллигентности и широту умственнаго кругозора и поднялъ и облагодѣлалъ у насъ самое званіе артиста.

Приобрѣтя въ этой войнѣ громкую боевую славу, М. И. Драгомировъ позднѣе приобрѣлъ не меньшую славу, какъ военный писатель. Обладая блестящимъ публицистическимъ талантомъ, онъ съ давняго времени сталъ сотрудничать въ военныхъ журналахъ, а въ одномъ изъ нихъ («Развѣдчикъ») велъ почти до самой своей кончины еженедѣльные фельетоны, въ которыхъ съ присущимъ ему остроуміемъ разбирались разные военные и военно-общественные вопросы. М. И. Драгомировъ, какъ писатель, имѣлъ настолько опредѣленную физиономію, что существовали даже выраженія: «драгомировскій стиль», «драгомировскія словечки». М. И. Драгомирову, дѣйствительно, принадлежить множество «словечекъ», отличающихся удивительной мѣткостью и характерностью и давно уже вошедшихъ въ общественный обиходъ. Вспомнимъ, напримѣръ, его знаменитое выраженіе: «святая сѣрая скотинка»...

М. И. Драгомировъ затѣмъ пользовался славою выдающагося военнаго ученаго. Начиная съ 50-хъ годовъ и до 1868 года и затѣмъ съ 1878 по 1889 годъ онъ занималъ профессорскую кафедру въ Николаевской академіи и считался однимъ изъ талантливейшихъ стратеговъ-педагоговъ.

Кромѣ боевой и ученой дѣятельности М. И. Драгомировъ много потрудились и на административномъ поприщѣ. Въ 1889 году онъ былъ назначенъ командующимъ войсками кievскаго военнаго округа, а позднѣе занималъ постъ кievскаго, подольскаго и вольнскаго генераль-губернатора. Въ этой должности онъ оставался до 1903 г., когда принужденъ былъ выйти по болѣзни въ отставку и поселиться на покой въ г. Конотопѣ—въ своемъ имѣніи.

Съ той поры знаменитый «конотопскій отшельникъ» время отъ времени призывался въ качествѣ члена въ различные спеціальныя коммисіи и продолжалъ публицистическую дѣятельность, но слабое здоровье уже не позволяло ему брать на себя какую-либо крупную активную роль. Къ сожалѣнію, ему не удалось, благодаря этому же обстоятельству, принять участіе и въ русско-японской войнѣ. А между тѣмъ опытъ, знанія и умъ М. И. Драгомирова могли бы сослужить огромную службу въ этой несчастной войнѣ.

Дни за днями М. И. Драгомировъ посвящалъ литературѣ. Отшельничество его не было полнымъ, потому что онъ слѣдилъ за

всѣми явлениями современной жизни и горячо откликался на нихъ. Но болѣзнь все болѣе и болѣе охватывала его, и, наконецъ, въ ночь на 15 октября знаменитого героя дунайской переправы не стало.

Эра социальных потрясеній въ Европѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Общественная жизнь всѣхъ странъ въ настоящее время связана тысячами невидимыхъ нитей. Раньше каждая нація жила замкнутою жизнью, «своимъ домкомъ», совершенно изолированная отъ другихъ, мало интересующая тѣмъ, что происходитъ за политической околицей. Тогда и въ хозяйственномъ, и въ духовномъ отношеніи народы были болѣе или менѣе независимы другъ отъ друга. Одни государства переживали судорожныя внутреннія потрясенія, въ то время, какъ ихъ ближайшіе сосѣди наслаждались мирнымъ спокойствіемъ и невозмутимой тишиной. По одну сторону политической границы раздавались бушующіе, призывные звуки марсельезы, по другую звучали молебные гимны королямъ. Теперь перегородки, отдѣляющія народы другъ отъ друга, замѣтно утратили свою непроницаемость: сквозь нихъ свободно просачиваются господствующія настроенія, духовная жизнь всего человѣчества пріобрѣтаетъ общность и единство, и волны социальныхъ бурь безпрепятственно перекатываются изъ одной страны въ другую. Не успѣло успокоиться революціонное движеніе въ нашемъ отечествѣ, какъ тотчасъ же пожаръ стихійныхъ народныхъ волненій перебросился черезъ нашу западную границу и вызвалъ революціонное броженіе въ Австро-Венгріи. Конституціонно-бюрократическая монархія престарѣлаго императора Франца-Иосифа вслѣдъ за Россіей вступила въ полосу бурь и потрясеній. Въ нѣмецкой Вѣнѣ, въ славянской Прагѣ и въ мадыарскомъ Будапештѣ почти одновременно на всѣхъ языкахъ раздался всеобщій кличъ:

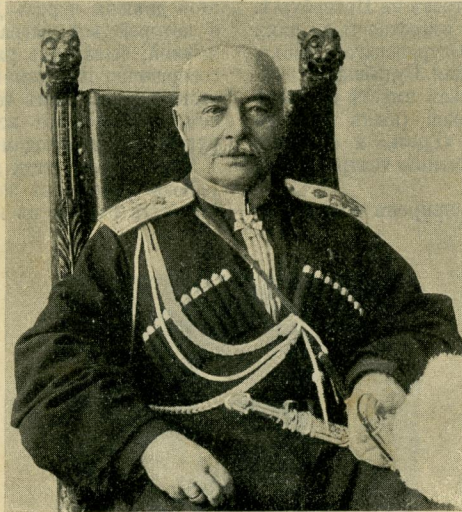
— Довольно избирательно-сословныхъ привилегій — требуемъ введенія всеобщаго избирательнаго права!

Это восклицаніе единодушно повторяется на всѣхъ языкахъ безчисленныхъ народностей дряхлой имперіи Габсбурговъ. Разноплеменная демократія сливаетъ свои голоса въ одномъ требованіи. Всѣ націоналистическія партіи примкнули на этотъ разъ къ политической программѣ крайней социаль-демократіи. Въ Вѣнѣ съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права собралось болѣе ста тысячъ демонстрантовъ-рабочихъ съ красными флагами и революционными пѣснями. Демонстрація вышла несравненно болѣе внушительной, чѣмъ всѣ манифестаціи такого рода, происходившія въ нашихъ столицахъ. При подавленіи ея войсками, дѣйствовавшими только холоднымъ оружіемъ, пострадало нѣсколько десятковъ человекъ. Въ Прагѣ движеніе, осложненное національнымъ недовольствомъ, получило болѣе широкое развитіе. Чешскіе демонстранты отстаивали свои требованія избирательной реформы построкой барикадой и вооруженнымъ сопротивленіемъ императорскимъ войскамъ. Въ Пештѣ революція еще не разразилась, но

благодаря все тому же національному элементу и большей организованности мадыаръ, именно тамъ она, быть можетъ, ближе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Благодаря сложности племенного состава Австро-Венгріи и силъ центробѣжныхъ сепаратическихъ стремленій для государственнаго организма Австріи введеніе всеобщаго избирательнаго права представляетъ огромную опасность. Имперія Габсбурговъ живетъ по инерціи, она держится сплоченностью политическихъ интересовъ господствующихъ, болѣе состоятельныхъ, преимущественно землевладѣльческихъ группъ. Сохраненіе избирательныхъ привилегій помѣщичьяго меньшинства одинаково на-руку и нѣмецкимъ баронамъ и польскимъ магнатамъ Галиціи, и родовитымъ аристократамъ Венгріи. Превращеніе конституціонно-олигархическаго строя въ демократическій грозитъ сразу же разорвать старыя скрѣпы. Вотъ почему, когда Венгрія потребовала избирательной реформы, австрійскій премьеръ-министръ Гаучъ, которому, строго говоря, до внутреннихъ порядковъ Венгріи нѣтъ никакого дѣла, произнесъ свою знаменитую фразу:

«Если императоръ дастъ согласіе на всеобщее избирательное право для Венгріи, то наступитъ смерть и для Австріи». Не трудно предвидѣть, что вслѣдъ за венгерцами такого же права потребуютъ и чехи, нѣмцы, поляки, кроаты, русины, сербы, молдаване и пр. Всѣ эти народности, враждебныя другъ другу, получаютъ большую силу въ выраженіи своихъ политическихъ стремленій, не захотятъ мириться дальше съ подневольнымъ положеніемъ, и старая Австрія должна будетъ распасться на свои составныя этнографическія части, или переродиться въ демократически-космополитическую федерацію.

Генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ
(† 15 октября с. г.).

СМѢСЬ.

Невидимыя драгоценности Японіи.

На японскомъ островѣ Гадо, въ песчаныхъ склонахъ горнаго хребта, добывается горный хрусталь. Большія кристаллы горнаго хрустала въ опытныхъ рукахъ шлифовщиковъ превращаются въ шарики, отличающіеся необыкновенной прозрачностью. Благодаря своей поразительной прозрачности они буквально невидимы для глаза. На томъ мѣстѣ, которое они занимаютъ, видны только предметы, отражающіеся на ихъ поверхности. Если взять одинъ изъ такихъ хрустальныхъ шариковъ въ руку, то мы его не увидимъ, мы можемъ лишь ощущать его. Если этотъ рѣдкостный предметъ помѣстить на темной подставкѣ и привести ее въ быстрое вращеніе, то шарикъ, конечно, также начнетъ вращаться вокругъ своей оси, но это вращеніе замѣтить невозможно: такъ какъ отражающіеся на поверхности шарика предметы не принимаютъ участія во вращеніи, то получается такое впечатлѣніе, будто шарикъ находится въ покоѣ. Для того, чтобы сдѣлать вращеніе замѣтнымъ, къ шарикѣ приклеиваютъ бумажку или же ставятъ на немъ красной точкой; тѣмъ не менѣе, самъ шарикъ остается все-таки невидимымъ, а глазъ различаетъ лишь бумажку или раскрашенную точку.

Представляя собой чудо шлифовальнаго искусства, эти хрустальные шарики цѣнятся въ Японіи дороже всякихъ драгоценныхъ камней.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ полныхъ собраній сочиненій:

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Остальные 30 книгъ
полнаго собранія.

Съ «Матеріалами для біографіи М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева.

К. М. Станюковича

Первыя 10 книгъ
полнаго собранія

подъ редакціею и съ критико-біографич. очеркомъ П. В. Быкова.

12 выпусковъ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній“.

12 №.№. „Парижскихъ модъ“ и пр.

Подробности смотр. въ № 43, на стр. 848—850.

Содержаніе.

1 Е К С Т Ъ: Испорченная натура. Повѣсть кн. М. В. Волконской. (Окончаніе).—Кольцо. Стих. Б. Никонова.—Миръ. (Отъ нашего спеціального корреспондента).—Японскія карикатуры.—Окружная артиллерійская мастерская въ г. Хабаровскъ.—Виднѣе.—Деревенскій пожаръ.—Рыцарь Олафъ.—Объявленіе „Всеобщей Исторіи“ О. Йегера.—П. Н. Глаголевъ.—Князь И. Г. Амиллахвари.—М. И. Писаревъ.—М. И. Драгомировъ.—Эра социальныхъ потрясеній въ Европѣ. (Политическое обозрѣніе).—Смѣсь.—Объявленія.

Р и С У Н К и: Виднѣе.—Литературный альбомъ. „Деревенскій пожаръ“, сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина.—Литературный альбомъ. „Рыцарь Олафъ“, стихотвореніе Г. Гейне.—Сторожевые олеи.—Зимой.—Развалныя станціи Шунямюцзы.—Разрушенный мостъ и рядомъ съ нимъ—возстановленный деревянный.—На дрезинѣ.—Гунчжулинъ. Расформированіе китайскаго наемнаго отряда генерала Ухача-Огаровича.—На вагонеткѣ по дорожному пути у станціи Шунямюцзы.—У разрушеннаго моста.—Станція Сыпингай.—Головной отрядъ у своего поѣзда на 67 разъѣздъ.—Къ статьѣ „Миръ“. 1) Разборка пути. 2) Разборка пути, нагрузка рельсъ. 3) Гунчжулинъ. Расформированіе китайскаго наемнаго отряда генерала Ухача-Огаровича.—Японскія карикатуры. 1) Адмиралъ Того 2) Опійный дымъ. 3) Генераль Оку. 4) Генераль Куроки. 5) Маршалъ Ояма. 6) Генераль Ноги. 7) Генераль Нодзу. 8) Японская карикатура 1820 г. 9) Раскрашенныя маски 1864 г. 10) Игроки. 11) Антеръ въ лисей маскѣ. 12) Толстакъ. 13) Армія лисицъ подъ дождемъ. 14) Папья. 15) Туалетъ японки. 16) Папья. —Окружная артиллерійская мастерская въ г. Хабаровскѣ. 1) Общій видъ мастерскихъ. 2) Чины мастерскихъ. 3) Чины мастерскихъ и мастерские по окончаніи работъ.—П. Н. Глаголевъ.—Генераль-адъютантъ И. Г. Амиллахвари.—Артистъ М. И. Писаревъ.—Новые военные суда, построенныя на общественныхъ средства. 1) Плувачья мастерская „Ангара“. 2) Минный крейсеръ „Финнъ“. 3) Минный транспортъ „Волга“. 4) Минный крейсеръ „Эмиръ Бухарскій“.—Первые выборные ректоры нашей высшей школы. 1) А. А. Мануйловъ. 2) Н. А. Бѣлелюбскій. 3) И. Занчевскій.—Генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литер. и популярно-научныя приложенія“ за ноябрь 1905 г., 2) „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1905 г. съ 29 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 черт. выр. въ натур. велич. и 6 рис. для вышиванія.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркесъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.